Прошлое мстит

Автор:
Эмили Гунис

Прошлое мстит

Эмили Гунис

Психологический триллер (АСТ)

1969 год. Бесследно исчезает из имения «Дом викария» шестилетняя дочурка миллионера Ричарда Хилтона – Элис. В ее похищении обвинили деревенского подростка Бобби Джеймса и, несмотря на его уверения в собственной невиновности, на долгие годы упрятали в тюрьму. Однако Элис так и не нашли – ни живой, ни мертвой…

Наши дни. Из «Дома викария» вновь пропадает девочка.

Полиция пытается найти ее, но терпит поражение.

Дочь Бобби, известный архитектор Уиллоу Джеймс, ведущая застройку на землях имения, обнаруживает загадочное письмо. Она начинает вести расследование и понимает, что между двумя исчезновениями существует тесная связь, уходящая корнями в далекое прошлое…

Эмили Гунис

Прошлое мстит

Emily Gunnis

The Midwife`s Secret

© Emily Gunnis Ltd, 2021

© Перевод. А. Воронцов, 2022

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

* * *

Посвящается Грейс и Элеоноре – моим вдохновительницам

Никто не наносит большего вреда католической вере, чем повитухи.

Генрих Крамер и Якоб Шпренгер. «Молот ведьм»

Любимые не могут умереть,

Ибо Любовь есть Бессмертие.

Эмили Дикинсон

Пролог

Понедельник, 8 января 1945 года.

Кингстон, близ Льюиса,

Восточный Сассекс

– Они уже здесь! – Тесса Джеймс выглянула из окна спальни, когда две полицейские машины подъехали к Дому викария. При виде сверкающих огней она вздрогнула, развернулась и кинулась обратно к своему шестилетнему внуку, который съежился на лестничной площадке, дрожа от страха.

– Бабуля, мне страшно! Я не хочу оставаться один в темноте! – Альфи уставился на нее льдисто-голубыми глазами, как и у всех в семействе Джеймс, так пристально, что ей показалось, будто мальчик сейчас просверлит в ней взглядом дыру.

Он вцепился в руку Тессы, когда она сдвинула верхнюю ступеньку, открыв доступ в небольшую комнатку под лестницей – тайник священника, достаточно просторный, чтобы вместить матрас и кое-что еще. Тесса обнаружила его совершенно случайно, переехав в этот почти заброшенный коттедж, когда была беременна матерью Альфи – более двух десятилетий назад.

– Полезай сейчас же, быстрее! – поторопила она.

Зная, что выбора у него нет, мальчик неохотно юркнул внутрь и сразу обернулся, чтобы взглянуть на бабушку, собираясь разреветься. Черные волосы обрамляли его лицо.

– Альфи, послушай меня! Ты можешь вылезти отсюда только в самом крайнем случае. Ты должен сидеть тихо, чтобы тебя никто не заметил. У тебя достаточно припасов, чтобы продержаться пять дней. Я отправила маме срочную телеграмму, она знает, что ты здесь. Мама приедет за тобой гораздо раньше, возможно, уже завтра.

– А вдруг она не вернется? Что мне тогда делать? – Внук начал всхлипывать.

– Она вернется, Альфи!

Тесса вытерла его слезы, думая, что нужно успеть задвинуть крышку потайной комнаты, прежде чем ворвется полиция и увидит лаз. В отсутствие матери Альфи, которая работала домашней прислугой в Портсмуте, Уилфред Хилтон без колебаний отправил бы мальчика, своего незаконнорожденного внука, за границу. И никто, вероятно, о нем бы никогда больше не услышал.

– Ты обещаешь, бабуля? Я знаю, что ты всегда держишь слово! – Слезы оставляли дорожки на его щеках, испачканных после игры в поле.

Альфи забежал в дом, спасаясь от дождя, примерно в то же время, когда служанка Хилтонов, Салли, промокшая до нитки, забарабанила в дверь.

– Вы должны прийти, миссис Джеймс! – произнесла она в панике, запыхавшись от бега через лес, который находился между Тисовым поместьем и Домом викария, где они жили. – Миссис Хилтон рожает, и ребенок застрял. Доктор говорит: она умрет, если процесс затянется. Доктор сказал, чтобы я привела вас. Он не знает, что делать.

У Тессы сжалось сердце при мысли об Эвелин Хилтон, терпящей столько страданий от рук доктора Дженкинса.

– Салли, ты же знаешь, что мистер Хилтон запретил мне приближаться к его жене. У меня не было никаких договоренностей с миссис Хилтон. Работа доктора заключается в том, чтобы благополучно принять ребенка. – Сдерживая слезы, она попыталась закрыть дверь перед девушкой.

– Пожалуйста, доктор умолял меня, чтобы я вас привела! – настаивала Салли. – Он сказал, что берет на себя всю ответственность за это и сам сообщит мистеру Хилтону о своей просьбе. Прошу вас, миссис Джеймс, она истекает кровью. Доктор говорит, вы единственная, кто может спасти ее. Умрут и она, и ребенок, если вы откажете. Я с трудом выносила ее крики, но сейчас она затихла, а это пугает еще сильнее.

– А где мистер Хилтон? – поинтересовалась Тесса.

– Он уехал после того, как вы поругались по поводу продления вашей аренды Дома викария. Представляете, сегодня утром пришла телеграмма, что молодой хозяин Илай убит в бою. Миссис Хилтон ужасно огорчилась, у нее начались

схватки вскоре после ухода мистера Хилтона. Я позвонила доктору Дженкинсу, как мне велели, но ребенок идет ногами вперед, а доктор сказал, что он этого не ожидал. Он постоянно кричал на меня, чтобы я нашла хозяина. Я смотрела повсюду в Кингстоне – и в «Розе и короне», и в конюшнях. Обыскала всю округу, но он исчез. – Салли начала всхлипывать в отчаянии. – Пожалуйста, спасите ее, миссис Джеймс! Прошу вас! – Она цеплялась за руки Тессы, мягко выталкивающие ее за дверь. – Ричарду всего шесть лет, он останется без матери!

Илай Хилтон убит… Тесса никак не могла в это поверить. Возлюбленный Беллы, отец Альфи, погиб на войне, которая почти закончилась. Тесса находилась рядом, когда Илай появился на свет, а вскоре после этого родила собственного ребенка, Беллу, и дети были неразлучны всю жизнь. Она относилась к Илаю как к сыну, и теперь, пока служанка стояла под дождем и умоляюще смотрела на нее, Тессе стало трудно дышать. Однако не оставалось времени на переживания, некогда было кричать, плакать и рыдать. В ней нуждались там.

– Альфи, сиди тут, в тепле, и поддерживай огонь, – велела она внуку, натягивая тяжелые черные сапоги и укутываясь в шаль, прежде чем выйти в бурю.

Тесса благополучно приняла двух предыдущих детей Эвелин – Илая и его младшего брата Ричарда, – но в обоих случаях роды проходили непросто. Эвелин была из тех женщин, чьи схватки кажутся бесконечными – субтильного телосложения, с узкими родовыми путями. Помощь ей требовала большого терпения, которого, была уверена Тесса, не хватало доктору Дженкинсу. Эвелин необходимо иметь возможность двигаться во время родов – обоих предыдущих детей она родила, стоя на четвереньках на полу своей спальни в Тисовом поместье. Тесса боялась, что доктор Дженкинс зафиксирует ее на кровати и попытается вытащить ребенка с помощью щипцов.

Пока они бежали от опушки леса по каменной подъездной дороге к огромному особняку георгианской постройки, воспоминание об утренней ссоре с Уилфредом Хилтоном наполнило Тессу тоской. «Я хочу, чтобы вы и этот бастард убрались из Дома викария и с моей земли! – заявил он. – Вы позорите церковь и мою семью! Я вижу, как вы пытаетесь прятать женщин, у которых вызываете выкидыши. Неужели вы думаете, что, если привести их сюда под покровом ночи, мы ничего не заметим? Вы – наш позор, миссис Джеймс, с вашими секретами, травками и всякими зельями. Нам нужны настоящие врачи, такие как доктор Дженкинс, а не богопротивные колдуны вроде вас, распространяющие в нашей общине свою

ненависть к традиционной медицине, как злокачественную опухоль».

С тех пор как Тесса стала повитухой, женщины часто обращались к ней с вопросами, как избавиться от младенцев, растущих внутри них. Она всегда выслушивала с сочувствием, хотя знала, что это незаконно. За провокацию выкидыша сажали в тюрьму. Однако закон был менее сильным сдерживающим фактором, чем ее инстинкты – Тесса посвятила себя спасению жизни детей, а не ее прекращению, и потому предлагала вместо этого утешение. Она слушала и не осуждала, зная, что у женщин есть веские причины на то, чтобы не хотеть ребенка – либо уже слишком много детей, о которых нужно заботиться, либо предыдущие роды так подорвали здоровье, что еще одни могли убить мать, а без нее какая участь ждет других детей? Тесса давала таким женщинам травы, рекомендовала их пить, чтобы вновь вызвать месячные, но они, как правило, не помогали. Многие женщины пребывали в отчаянии и угрожали покончить с собой. Такие беспокоили Тессу больше всего. Если она отказывала им в помощи, они могли наглотаться отбеливателя или пытались сделать аборт сами с помощью иглы или вязального крючка, или любыми иными способами, которые часто приводили к ужасным последствиям. Это был мир для мужчин, и немногие знали, какую боль испытывают женщины ради их удовольствия.

«Чему же научили доктора Дженкинса на медицинском факультете? – спросила она Уилфреда Хилтона. – Сколько детей он принял? В университетах не учат, как успокоить мать, едва достигшую возраста деторождения, которая вот-вот умрет от боли при родах. Или женщину, которая не может вытолкнуть своего ребенка, потому что ее родовой канал слишком узок».

«Постыдитесь, миссис Джеймс! Вы околдовали женщин этой деревни своим языком. Я хочу, чтобы вы уехали завтра же».

Пока Тесса проходила через дом и поднималась по лестнице к спальне Эвелин, ее подгоняла мысль о кровотечении. Ребенок идет неправильно, а Эвелин, ослабевшая от потери крови, похоже, не в силах вытолкнуть младенца. Как бы Тесса ни относилась к Уилфреду Хилтону, она должна попытаться помочь своей подруге.

Но ничто не могло подготовить Тессу к той сцене, что ждала ее в спальне. Никогда за тридцать лет работы повитухой Тесса не видела столько крови. Белые простыни Эвелин и ее бежевая ночная рубашка полностью пропитались красным. Эвелин лежала посреди кровати с балдахином, бледная и

безжизненная, с ногами в стременах, а доктор тянул и тянул ребенка – его головка все еще находилась внутри.

– Ради всего святого, сделайте же что-нибудь! – вскричал доктор, заметив Тессу. – Плечи застряли, я никак не могу вытащить! Я сделал надрез, но все равно не идет! – Он смотрел на Тессу снизу вверх, тяжело дыша от напряжения, его руки были по локоть в запекшейся крови.

Тесса бросилась к Эвелин и осторожно вытащила ее ноги из стремян. Она поняла с первого взгляда на нее и на всю эту кровь, что мать спасать слишком поздно. Но ножки ребенка двигались, насчет него еще оставалась надежда. Тесса быстро ощупала живот Эвелин в поисках плеча младенца, а затем надавила на него чуть выше тазовой кости.

– Что вы делаете? – спросил доктор, задыхаясь. Его лицо было багровым и покрытым испариной.

– Вывихиваю плечо ребенка из сустава, – ответила Тесса. – Помогите мне поставить Эвелин на четвереньки.

Доктор смотрел на нее, вытаращив глаза.

– Я не стану этого делать! Я больше не хочу иметь к этому никакого отношения! – Он подхватил свой саквояж и пулей вылетел из комнаты, мелькнув белой рубашкой, забрызганной кровью Эвелин.

Тесса смотрела ему вслед, понимая, что это означает, – доктор обвинит ее в том, что натворил сам, и на этом ее работа повитухи завершится. Она взглянула на Эвелин, затем на Салли, которая съежилась в коридоре, тихо плача.

– Помоги мне! – крикнула Тесса. Девушка замерла от страха. – Салли, ты упрашивала меня прийти. Пожалуйста, ты нужна миссис Хилтон.

Салли посмотрела на Тессу, кивнула и приблизилась.

Вместе они перевернули Эвелин. Затем Тесса запустила руку в ее чрево и с большим трудом развернула ребенка.

– Тужься, Эвелин! – прошептала она на ухо подруге при следующем приступе боли. Эвелин собрала последние силы, пока Тесса тянула, как только могла, и ребенок наконец вышел – прелестная девочка с бледными длинными конечностями и посиневшими губами, похожими на розовый бутон.

Прошли долгие минуты, пока Салли рыдала в углу, а Тесса сидела на полу, дуя в рот малышке и потирая ее мягкий животик, отчаянно пытаясь вдохнуть жизнь в ребенка. Вскоре она сдалась и, обернувшись, увидела, что Эвелин перестала дышать.

Она не заметила, когда Уилфред Хилтон вошел в комнату в сопровождении доктора Дженкинса, который прятался за ним, но не было ни криков, ни ярости: он не обратил на нее никакого внимания и приблизился к своей жене, глядя на ее фарфоровую кожу, затем на свое безжизненное дитя, прежде чем натянуть простыню на лицо Эвелин. Тесса поднялась и положила мертвого ребенка в колыбельку возле двери.

– Что здесь делает Тесса Джеймс, доктор Дженкинс?

– Она ворвалась силой, мистер Хилтон. Когда я уходил, миссис Хилтон и ребенок были еще живы, – угодливо ответил доктор.

– Салли, позвони в полицию! – велел Хилтон.

Сердце Тессы сжалось от страха. Она могла думать только об Альфи, сидевшем сейчас в одиночестве возле камина в Доме викария; внуке, от которого отрекся Уилфред Хилтон, готовый на все, чтобы избавиться от него.

– Оставайтесь на месте, миссис Джеймс! – крикнул Хилтон, но она не стала мешкать. Зная, что нужно делать, Тесса протиснулась мимо мужчин, сбежала по лестнице и выскочила на подъездную дорогу. Она не останавливалась, пока не добралась до почтового отделения в деревне Кингстон. Одежда и руки Тессы еще были в крови Эвелин, когда она писала срочную телеграмму своей дочери в Портсмут:

«Моя дорогая Белла! Немедленно возвращайся домой. Альфи ждет тебя в нашем тайном месте. Мама».

На дрожащих ногах Тесса поспешила домой, к Альфи, который крепко спал возле камина.

– Это полиция, открывайте!

– Бабуля, обещай мне, и я поверю! – Мальчик умоляюще смотрел на нее из потайной комнаты.

Тесса ответила не сразу, опасаясь, что обещание станет ложью, но хуже, намного хуже было оставлять шестилетнего мальчика одного на несколько дней в темноте и в страхе, что за ним никто не придет.

– Обещаю, – наконец произнесла она, решив, что, если Белла не вернется в деревню через пять дней, она сама скажет полиции, где Альфи. Иначе для ребенка это станет смертным приговором. Она сделает все, что в ее силах, чтобы мальчика не забрали в приют, как, без сомнения, планировал Уилфред Хилтон, но рисковать его жизнью не будет.

Тесса наклонилась и обхватила лицо ребенка ладонями.

– Альфи, если тебя кто-нибудь увидит, тебя заберут. А Уилфред Хилтон проследит, чтобы тебя упрятали куда подальше. Мама не сможет найти тебя. Этот тайник – наша единственная надежда.

Бах-бах-бах!

– Мы знаем, что вы там, миссис Джеймс! Открывайте!

– Ты должен быть храбрым. А теперь возьми ключ и запрись изнутри. – Тесса сняла с шеи изящный старинный ключ с выгравированной ивой на головке и протянула его Альфи.

– Выходить можно только по крайней нужде, но постарайся этого не делать, – строго добавила она.

Тесса начала закрывать крышку тайника, вспоминая тот день, когда впервые обнаружила его. Она решила отполировать ступени из темно-красного дерева и, сильно нажав на верхнюю, услышала щелчок отошедшей пружины. Тесса взяла свечу и забралась внутрь. Помещение представляло собой небольшое пространство, едва достаточное, чтобы лежать, но почему-то не вызывало клаустрофобии. В торце находилось маленькое оконце, сложенное из голубых стеклянных блоков того же пронзительного оттенка, что и глаза Альфи и Беллы. Комнатка оставляла ощущение домика на дереве, логова, убежища. Тессе сразу пришло в голову, что это может пригодиться ей в работе – для женщин, кому нужно где-то спрятаться, пока их организм восстанавливается от разрушительных последствий деторождения или выкидыша. Для женщин, которые не могли вернуться домой к своим опозоренным родным или жестоким мужьям.

Бах-бах-бах!

– Откройте дверь, миссис Джеймс, иначе мы ее вышибем! У вас десять секунд. Девять…

– Ты носишь фамилию Джеймс, Альфи. Ты должен быть сильным. Я люблю тебя.

Мальчик снова взглянул на нее, и внезапно взявшаяся в нем словно из ниоткуда сила преодолела ужас, его тельце перестало вздрагивать от отчаяния. Доверие и мужество поддерживали его. Альфи сел прямо – он отпускал свою любимую бабушку.

– Больше всего на свете? – тихо произнес он, вытирая слезы рукавом.

– Пять…

– Больше всего на свете. Держись, мама уже в пути. Сиди тихо, дорогой. – Тесса целовала его лицо снова и снова, ощущая на губах соленые слезы внука.

Бах-бах-бах!

– Я выхожу! – крикнула Тесса. Она закрыла тайник и подождала, пока не услышала, как Альфи поворачивает ключ.

Щелк!

– Три…

– Я иду, пожалуйста, не ломайте дверь!

– Две…

Прошло менее часа с того времени, как Тесса стояла возле постели Эвелин; с тех пор, как подруга истекла кровью у нее на глазах. С тех пор, как она положила безжизненного ребенка Эвелин в колыбельку рядом с кроватью.

– Одна!

Тесса открыла входную дверь, и ее сразу ослепили огни двух полицейских машин. Четыре полисмена ворвались в маленькую кухню, освещенную пламенем камина.

– Тесса Джеймс, вы арестованы по подозрению в непредумышленном убийстве Эвелин Хилтон. Вы имеете право хранить молчание, но все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

– Где мальчик? – спросил один из офицеров, когда его коллеги пронеслись мимо них к лестнице.

– Со своей матерью, – тихо ответила Тесса.

– У нас имеются инструкции отвезти его к опекуну, Уилфреду Хилтону! – заявил полицейский.

– Что ж, вы не сможете, его забрали, – произнесла Тесса.

– Когда? Мы знаем, что ваша дочь работает в Портсмуте. Как вам так быстро удалось доставить к ней мальчика?

– Его нигде нет! – Другой полицейский появился рядом с ними, запыхавшись после обыска дома.

– Я посадила его в поезд.

– Ему всего шесть лет! – Офицер с усами и зловонным дыханием наклонился ближе, пристально глядя на Тессу. – Вы лжете нам, миссис Джеймс! Мальчик здесь. – Он повернулся к коллеге: – Отвезите ее в участок и посадите на ночь в камеру. Утром я ее допрошу. Я могу ждать тут всю ночь, если потребуется, пока ребенок не вылезет из своего укрытия.

Тесса в последний раз переступала порог своего любимого дома и чувствовала, как ноги подкашиваются от потрясения и усталости. Доктор Дженкинс даст против нее показания, а Уилфред Хилтон в лепешку разобьется, чтобы поддержать его. Она никогда не вернется в Дом викария.

Альфи молча и испуганно наблюдал через голубое стеклянное окошко, как полицейская машина отъехала, увозя с собой его бабушку. Он просидел в темноте несколько часов, едва дыша, пока полицейские грохотали вокруг, выкрикивая его имя, топая по полу и колотя по стенам. Вскоре они затихли. Однако Альфи все равно сидел тихо, зная, что снаружи по-прежнему находится еще один полицейский автомобиль – он видел его через окошко потайной комнаты. Альфи лежал в темноте, думая о своей матери. Когда взошло солнце, он стал молиться изо всех сил, чтобы телеграмма, посланная бабушкой, дошла до матери в это утро; чтобы та поспешила собрать сумку и села на ближайший поезд в Кингстон, и добралась до него прежде, чем наступит еще одна долгая, ужасная ночь.

Глава первая

Ванесса

Четверг, 21 декабря 2017 года

Ванесса Хилтон стояла на опушке леса, соединяющего Тисовое поместье с Домом викария, и смотрела через поля на заброшенный дом, за которым сверкало зимнее утреннее солнце. Застройщики уже огородили его красно-белой лентой, и огромный желтый кран возвышался рядом со стенобитной машиной, ожидая удара шаром по стенам здания, на снос которого ее сын Лео еще не получил разрешения.

Ванесса видела, как двое мужчин в касках и с планшетами указывали на крышу, расхаживая вокруг дома, явно обсуждая и планируя, как его лучше сломать. Дом викария находился в центре участка, который, по словам Лео, необходимо очистить для строительства десяти новых частных домов. Без сомнения, это дело обещало быть выгодным для всех, но Ванесса не могла припомнить, чтобы кто-нибудь спрашивал на это ее согласия. Впрочем, может, и спрашивали, а она забыла. Застройщики казались ей акулами, кружившими вокруг добычи, их стремление избавиться от старого дома было очевидным.

Ванесса посмотрела на свои черные кожаные туфли, промокшие насквозь, и поняла, что ее ноги онемели. Она обулась неподходящим образом для пеших прогулок и не могла вспомнить, зачем вышла из дома. Наверное, просто выбралась на улицу, чтобы увидеть свою внучку, Сиенну. А может, ей хотелось сбежать от мужчин в доме, пакующих ее пожитки. Она чувствовала усталость от постоянных попыток вспомнить. Доктор советовал ей быть терпеливой к самой себе. Предупреждал, что будет все труднее вспоминать имена людей и слова, которые вертятся на языке, однако далекое прошлое останется совершенно нетронутым в ее сознании. В итоге Ванесса помнила то, что хотела бы забыть, и забывала то, что нужно помнить.

Она предполагала, что обсуждала со своей семьей продажу поместья, но не могла вспомнить сам разговор – лишь болезненное ощущение, что все это происходит вокруг нее, как наводнение, которое нельзя остановить. Разговоры, на которые она не могла повлиять, появляющиеся и уходящие перевозчики, фонтанирующие идеями архитекторы, проводящие совещания в кухне. Бессилие и беспокойство следовали за ней повсюду, как тень. Новый день начинался с тревоги, которая постепенно овладевала каждой клеточкой ее тела так, что вечером, ложась в постель, Ванесса едва дышала от страха перед тем, чего не могла вспомнить. Она должна съехать, она понимала это. Но не могла вспомнить

почему.

– Мама! Ты здесь, на улице? – Ванесса слышала, как Лео звал ее, но решила не обращать на него внимания. Дом был слишком переполнен суматохой, люди суетились, подготавливая ее переезд. Она чувствовала себя пауком, которого выметают веником за дверь – в глаза все были вежливы и добры к ней, предлагали бесчисленные чашки с чаем, но совершенно очевидно желали избавиться от нее и нажитых ею вещей как можно быстрее. Ванесса часто спрашивала Лео, куда они переезжают, однако его ответа не помнила.

Ванесса повернулась и зашагала обратно через лес. Кроны деревьев аркой смыкались над головой. Наверное, Элис проходила под этими же самыми ясенями в тот вечер, когда пропала. В такие холодные ветреные дни они шуршали ветвями, будто шептались, пытаясь ей что-то сказать. Если бы только она могла спросить их, что они видели в тот последний вечер Элис. Где она шла, когда исчезла в снегу. Они были свидетелями, как на нее наткнулся соседский сын Бобби, последний, кто видел Элис перед тем, как она исчезла. Бобби Джеймс… Даже сейчас, когда разум Ванессы пребывал в постоянном тумане, она знала, что никогда не забудет его имя и лицо. Что случилось с Элис позднее? Почти пятьдесят лет спустя Ванесса так и не приблизилась к разгадке тайны. Она знала лишь то, что мальчик рассказал полиции: ее шестилетняя дочь побежала за своим щенком к Дому викария. И больше ее никогда не видели.

Ванесса кинула еще один взгляд назад, на старый дом – возможно, в последний раз. Вспомнила, что планерка назначена на следующий день – Лео говорил об этом утром, – и знала, что если они получат разрешение, то не станут тянуть со сносом. Глядя на ветхое здание в лучах утреннего солнца, она не сомневалась, что это не займет много времени. Никто не жил в Доме викария с той ночи, когда произошло несчастье с Альфи Джеймсом – в ту же ночь, когда исчезла Элис. Это случилось почти пятьдесят лет назад, и за этот период некогда красивый дом постепенно пришел в состояние полной разрухи. Теперь он привлекал лишь подростков и бродяг, они разжигали костры на пустующем нижнем этаже и жались вокруг огня поближе друг к другу – разбитые окна и сломанная входная дверь являлись слабой защитой от ветра и дождя.

Сама Ванесса не была внутри несколько десятилетий – это вызвало бы слишком много воспоминаний о той ночи, которую она всю жизнь пыталась забыть. В течение первых десяти лет после исчезновения Элис она снова и снова прокручивала в голове каждую секунду, предшествующую пропаже дочери: что

такого она не увидела или не заметила, что не сделала, чтобы сберечь ее. Это постепенно сводило Ванессу с ума. Теперь она не могла вынести ни малейшей мысли об этом. Предпочитала вспоминать Элис на территории Тисового поместья. Во время долгих прогулок представляла, как девочка бежит впереди в своем любимом красном пальто, задает бесконечные вопросы, смеется, вертится, скачет. В глубине души ей казалось, будто Элис все еще существует где-то, в другом мире, в ином месте. Только это место было недоступным для Ванессы. Пока.

Ей следовало бы так же радоваться, как и Лео, предстоящему сносу Дома викария. Этот дом служил постоянным напоминанием о семействе Джеймсов, которое вошло в их жизнь после окончания Первой мировой войны и было неразрывно связано с ними – трагедией – навсегда. Но почему-то мысль о том, что здание будет снесено, печалила Ванессу сильнее, чем можно было предположить. Это было грубое напоминание о течении времени, о том, что мир движется дальше, пока она застыла на месте.

Когда Ванесса добралась до противоположной стороны леса, впереди показалось Тисовое поместье и Сиенна, ее семилетняя внучка, спешившая навстречу на красном велосипеде. Так сильно похожая на Элис, что это было почти невыносимо. Не только длинными светлыми волосами, но и бесстрашием, любознательностью, озорными искорками в голубых глазах.

– Привет, бабуля! – крикнула она. – Папа искал тебя.

– Неужели? – произнесла Ванесса. – Будь осторожна, дорогая, здесь скользко. А разве тебе сегодня не в школу?

– Да, мама как раз одевается, – ответила девочка, разворачиваясь на дороге.

Ванесса тяжело вздохнула. Внезапно ею овладела усталость. Понимая по тяжести в ногах, что гуляла слишком долго, она вернулась в дом. Войдя в дверь и положив перчатки, Ванесса услышала, как Лео тихо разговаривает по телефону в своем кабинете.

Проходя мимо старинного позолоченного зеркала высотой в человеческий рост, которое было отвинчено от стены и стояло наклонно, Ванесса осознала, что пожилая дама с сутулыми плечами, хрупкой фигурой и тонкими светло-седыми

волосами – она сама. Ванесса остановилась и взглянула в лицо своему отражению, несмотря на отчаянное желание отвернуться. Она никогда не была классической красавицей, но умела извлечь максимум из того, что имела: приятных черт лица и широкой улыбки, не подводившей хозяйку, если той требовалось добиться желаемого. «Улыбка на мегаватт», называл это Ричард, от которой его сердце будет замирать, сказал он ей в тот вечер, когда они встретились.

Ванесса была высокой. «Верблюжонок», как прозвал ее отец из-за длинных загорелых рук и ног, которыми, как она помнила, Ванесса крепко обхватывала его, когда он сажал ее на закорки во время долгих прогулок. Его интерес к ней как к единственному ребенку дал Ванессе непоколебимую веру в себя и бесконечный запас позитива, который не иссякал – вплоть до той ночи, когда исчезла Элис.

Густые длинные светлые волосы теперь стали тонкими, почти белыми, и были подстрижены коротко в попытке скрыть их плачевное состояние. Кожа была бледной, почти прозрачной, а ключицы проступали под блузкой. Ванесса внимательно разглядывала себя в зеркале, ее зеленые глаза хмуро смотрели на нее в ответ. В юности их сравнивали со сверкающими изумрудами, теперь же они больше походили на мутное бутылочное стекло. Старость жестока, предупреждала Ванессу мать, но в молодости старость казалась чем-то посторонним и бесконечно далеким от нее, а теперь внезапно наступила.

– Совещание назначено на завтра. Спасибо. Я дам тебе знать, как только появятся новости. Нет, я не предвижу никаких проблем. Глава архитектурного департамента намерен это одобрить, а это означает, что дела на мази. – Через полуоткрытую дверь Ванесса слышала напряжение в голосе сына. Он поднял голову и увидел мать, а через несколько секунд закончил разговор и, взволнованный и хмурый, вышел в коридор.

– Как ты себя чувствуешь, мам? – спросил он, слегка запыхавшись.

– Я в порядке, дорогой, спасибо. – Ванесса сняла куртку и повесила ее на вешалку. Та была переполнена одеждой, и когда Ванесса пристроила свою, другая упала.

– Эта штука вот-вот опрокинется, – вздохнула она. – Было бы неплохо, если бы Хелен изредка наводила порядок.

– Извини, мам, я сам все приберу. – Лео с кряхтением поднял пальто, валявшееся около его ног.

– У тебя и так достаточно дел, – заметила Ванесса. – Я не знаю, как ты все успеваешь.

– Ничего, мне не трудно. – Он нахмурился. – Я не знал, куда ты подевалась. Ты ходила где-то целую вечность. Я добрался до края леса, но тебя не увидел.

Ванесса улыбнулась сыну. Лео был высоким, как и его отец, и несмотря на то, что скоро ему должно было исполниться шестьдесят, до сих пор сохранил густую копну светлых волос, ниспадавших на его улыбающиеся зеленые глаза. Он унаследовал суровую красоту Ричарда, его кожа выглядела обветренной от жизни, проводимой под открытым небом, но на этом сходство между отцом и сыном заканчивалось. Ричард был чрезвычайно самоуверенным, вспыльчивым, как бык нападавшим на жизнь и на всех, кого в ней встречал, почти не обращая внимания на хаос, который оставлял после себя. Лео, напротив, от рождения был склонен к тревогам, беспокоился о том, что люди, в первую очередь отец, думают о нем, и принимал все близко к сердцу. Он провел бо?льшую часть своей взрослой жизни, пытаясь разгрести беспорядок в делах, который для Ричарда был нормой, но недавно Ванесса поняла, что он дошел до точки. Продажа поместья теперь оставалась их единственным выходом, и он чувствовал себя неудачником.

– Я просто хотела побыть одна, – объяснила она. – Тебе не нужно так сильно обо мне беспокоиться. У тебя хватает забот, ты себя совсем не бережешь.

– Я в порядке. Сегодня утром у меня последняя встреча в деревенской ратуше, и я хотел убедиться, что ты хорошо себя чувствуешь, прежде чем уйду.

Ванесса окинула взглядом коридор: перегруженная стойка для пальто, кучи прогулочных башмаков, покрытых грязью; поводков для собак, шляп и перчаток на грязном полу из черно-белого кафеля. Лео вечно работал, пропадая либо на ферме, либо на бесконечных встречах с архитекторами и чиновниками-планировщиками. Тогда как Хелен, его жена, казалось, просто порхала вокруг

целыми днями, как птица со сломанным крылом, давая знать о своем присутствии, суетясь над вещами, которые не требовали ее внимания, и забывая про те, какие в нем нуждались. Их дом напоминал свалку, и уборкой в нем пренебрегали. Хелен готовила для Сиенны, но для Лео редко, и хотя Сиенна была одета безукоризненно, Лео всегда выглядел ужасно. Хелен управляла жизнью Сиенны, как военным кораблем, однако Тисовое поместье и дом, который Ванесса лелеяла всю свою жизнь, явно не представляли для нее интереса. Каждый день у Ванессы разрывалось сердце от того, что Хелен так очевидно не могла дождаться, когда же избавится от дома, судя по всему, намереваясь прибрать деньги к рукам.

Словно прочитав ее мысли, Хелен появилась в коридоре, заставив Ванессу вздрогнуть.

– Доброе утро, Ванесса, – тепло поздоровалась она. – Извините, я не хотела вас напугать. – Ее взгляд упал на туфли свекрови. – Господи, да вы насквозь промокли! Вы, наверное, замерзли. Лео развел огонь в гостиной, скорее идите туда.

– Хорошо, спасибо, Хелен.

Ванесса разглядывала невестку чуть дольше, чем следовало, словно искала ключ к разгадке того, что творится на самом деле в глубине этих голубых глаз. Она не хотела смутить ее, но Хелен напоминала ей мышь, которая завела привычку являться к ней в кухню каждый вечер. Она садилась в углу и смотрела телевизор за компанию с Ванессой, пока однажды не исчезла так же внезапно, как и появилась. Обычно Ванесса притворялась, будто глядит на экран, хотя на самом деле следила за зверьком, пытаясь понять его. Мышь выглядела милой и невинной, однако постоянно была начеку, в любую секунду готовая броситься наутек, пошевеливая усами. Было трудно не провести сравнения с мышиными чертами лица Хелен и ее суетливыми манерами.

Ванесса не понимала, что все-таки Лео нашел в Хелен. Она не испытывала к невестке особой неприязни, но в той мало к чему можно было привязаться. Хелен не показывала свое истинное лицо и, похоже, остерегалась даже собственной тени. Лео мог бы жениться на любой другой – каждая девушка, с кем он заговаривал, таяла в его присутствии, и судя по тому, как им интересовались подруги Ванессы, любая из их дочерей не отказалась бы от возможности его очаровать, однако Лео выбрал Хелен, на которую нельзя было

по-настоящему обидеться и которая не могла как следует постоять за себя в споре. Сейчас Хелен было пятьдесят три, но она до сих пор чем-то напоминала ребенка и в определенном смысле казалась более уязвимой, чем Сиенна, которая появилась весьма неожиданно, когда Хелен исполнилось сорок шесть. Хелен отчаянно стремилась всем угодить, улыбка не сходила с ее губ, но никогда не достигала ее печальных глаз.

– Вы видели Сиенну, когда гуляли? – спросила Хелен, входя в гостиную в сопровождении Ванессы. Она подошла к окну и машинально передвинула журналы на кофейном столике в углу. Одна беспорядочная куча поближе к другой, подумала Ванесса.

– Да, она каталась на велосипеде. Но тебе ведь пора везти ее в школу, не так ли? – произнесла Ванесса, взглянув на часы.

– Думаю, Лео захватит ее по дороге на свою встречу, – ответила Хелен.

– Может, ты сама ее отвезешь? Лео выглядит очень замотанным, похоже, рабочие вопросы его не отпускают.

Хелен вяло улыбнулась и начала собирать различные школьные принадлежности, разбросанные по комнате, складывая их в рюкзак дочери. Сиенна – это единственное, что интересует Хелен, подумала Ванесса, наблюдая за ней. Невестка редко общалась или встречалась с подругами, они с Лео не устраивали званых обедов и не выбирались в паб. Ее мир вращался вокруг послешкольных кружков Сиенны, игр на свежем воздухе и домашних заданий. Хелен следила за дочерью, как ястреб, вкладывая в нее каждую унцию своих сил. У Сиенны не было ни единой мысли, о которой не знала бы Хелен. Она до сих пор часто спала вместе с дочерью, в то время как Лео ночевал один. Ричард не потерпел бы такого даже на одну ночь, не говоря уж про семь лет. Возможно, у нынешнего поколения иное к этому отношение, но так повелось еще с тех пор, когда Сиенна была совсем крошкой. Ванесса часто задумывалась, не потому ли Лео слегка холодноват с дочерью. Сиенна обожала отца, а тот всегда выглядел отстраненно рядом с ней, и Ванессе приходило в голову, что возможная причина в том, что ее внучка встала между ним и Хелен. Лео часто повторял, что не любит детей, и вдруг в возрасте сорока пяти лет Хелен объявила о своей беременности. Лео не был суров к Сиенне, отнюдь нет, однако редко играл с ней и не казался особенно любящим или заинтересованным отцом, каким Ричард был с Элис. Впрочем, сразу после родов Хелен почти не подпускала Лео к дочери.

В свои самые мрачные моменты Ванесса думала, что это зависть вызывает у нее раздражение при виде того, как Хелен носится с Сиенной. Она считала, что у них с Элис были прекрасные отношения, но суть в том, что Хелен никогда не потеряла бы Сиенну. Ни за что на свете. Она не выпускала ее из виду слишком надолго. Вероятно, причина, по которой Хелен постоянно следила за дочерью, как раз и заключалась в исчезновении Элис. Хелен видела, что? потеря ребенка сделала с матерью мужа; последствия пропажи Элис сопровождали их всю жизнь в Тисовом поместье, по сей день, несмотря на то, что миновало почти пятьдесят лет.

– Хорошо погуляли? – спросила Хелен, наблюдая в окно за Сиенной и своим вопросом возвращая Ванессу в настоящее.

– Да, я ходила к Дому викария. Там все готово к сносу.

Хелен медленно повернулась и посмотрела на нее, покраснев, но ничего не сказала.

– Странно, что от дома, когда-то полного жизни, осталась только холодная, пустая оболочка. Я понятия не имею, что произошло с семьей Джеймсов – Нелл и Бобби, так ведь их звали? Ты не знаешь, Лео?

– О чем, мам? – Сын появился в дверях, озабоченно хмурясь. – Хелен, ты не видела мои ключи от машины?

Его жена продолжала разглядывать Ванессу.

– По-моему, они на столе в столовой.

– Посмотри под кучами бумаг и газет, – посоветовала Ванесса. – Меня бы не удивило, если бы Бобби Джеймс находился в тюрьме. Ужасный ребенок, устроивший пожар в коровнике. Ты помнишь, Лео?

– Смутно. – Он покосился на Хелен, которая повернулась к ним спиной.

– Смутно? Я никогда этого не забуду. Он явно решил сжечь животных заживо. Ричард подоспел вовремя. – Ванесса нахмурилась. – А ты куда собрался?

– Я же говорил тебе, мама. Сегодня последнее совещание по земельному планированию в деревенской администрации. Завтра День «Д».

Хелен прошмыгнула мимо них с рюкзаком Сиенны.

– Почему бы тебе не позволить Хелен самой отвезти ребенка в школу? – спросила Ванесса сына. – Я бы быстренько поджарила для нас завтрак.

– Я куплю что-нибудь после собрания, мама. Хелен, ты приготовишь маме завтрак? Мне пора идти, иначе опоздаю. – Лео наконец нашел ключи и кинулся к выходу.

Ванесса обернулась, когда Сиенна ворвалась в комнату.

– Пока, бабуля! – воскликнула она, бросаясь в объятия бабушки, ее щеки раскраснелись от холода.

– Пока, дорогая, желаю тебе чудесного дня.

– Увидимся на собрании, Хелен! – крикнул Лео. – Я займу для тебя стул.

Ванесса посмотрела на невестку, которая, похоже, пребывала в своем обычном настроении. Ей не нравилось находиться рядом с Хелен, когда та была молчалива и задумчива; она опасалась того, что происходит под поверхностью. Ванесса всегда остро осознавала факт, что не вполне доверяет этой женщине, но по-настоящему не понимала почему, и это вызывало у нее чувство вины и опустошенности.

– Пойду прилягу, пожалуй, – произнесла она. – Ноги гудят, я гуляла дольше, чем нужно.

Ванесса остановилась у подножия огромной широкой лестницы, ведущей на верхний этаж дома. В большом георгианском поместье чувствовалось запустение. Краска на окне рядом с тем местом, где она стояла, давно облупилась; ковер на ступенях выглядел выцветшим и потертым, а несколько плиток под ее ногами потрескались. Отопление всегда работало слабо, если вообще работало, и в доме постоянно было холодно.

Ванесса начала медленно подниматься по ступеням, на каждой из которых что-то лежало – книги, предметы одежды и газеты. Она пробегала взглядом по отслоившимся обоям, украшенным разнообразными большими картинами и огромными зеркалами, пока не добралась до верха, где на полу у стены стояла фотография Ричарда и Лео. Это был черно-белый снимок, они вдвоем на тракторе, и Ванесса хорошо помнила тот день. Стоял жаркий июльский полдень, Лео тогда было года четыре, и Ричард посадил сына к себе на колени, чтобы тот мог управлять. Лео плакал все это время, желая поскорее слезть, а Ричард потерял терпение и шлепнул его. Ванесса тогда была беременна Элис и решила устроить семейный пикник в обеденный перерыв – Ричард все дни напролет трудился в поле, несколько недель подряд. Лео не хотел идти, и Ванесса знала, что в итоге все закончится слезами, но все равно пошла и повела сына, потому что ей было одиноко – удел жены фермера.

Как и она сама, Лео ненавидел жизнь на ферме. Однако в отличие от нее не пытался скрыть это. Он плакал, если падал, поднимал рев, если за ним гнался кто-либо из животных или когда пачкал руки. Элис, напротив, любила сельскую жизнь так же сильно, как отец. Чем страшнее приключение, тем лучше. Они с Ричардом обожали друг друга, и Элис расплакалась бы, если бы отец отправился куда-то без нее. Как только Элис научилась ходить, она всюду сопровождала отца, возвращаясь домой на его плечах после кормления коров или починки забора, такая чумазая, что Ванесса едва могла разглядеть ее лицо.

– Еще, папочка! – была коронная фраза Элис всякий раз, когда Ричард подбрасывал ее в воздух, или сажал на высокий забор, или перекидывал через канаву, отчего она всякий раз падала и ушибалась, а Ванесса в ужасе отшатывалась. Но через мгновение дочь уже отряхивалась и снова протягивала руки: – Еще, папочка!

Ванесса добралась до двери в свою спальню и замерла, как всегда, чтобы взглянуть на портрет Элис. На картине, которую она заказала, дочь была изображена в красном праздничном платье – как в ту ночь, когда пропала.

– Мамочка, почему мне нельзя остаться в комбинезоне? – послышался высокий голосок.

Ванесса посмотрела вниз и увидела зеленые глаза своей девочки, вопросительно глядящие на нее, пока дочь поднималась на площадку. На одной руке Элис

несла красное платье, на другой – голубое атласное, и была в комбинезоне, пропитанном грязным растаявшим снегом после игры на улице. Вокруг губ виднелись пятна чего-то, похожего на шоколадный торт, а щеки и кончики пальцев покраснели, когда она вошла в теплое помещение. Ванесса взяла холодные ладони дочери и сжала в своих, растирая, чтобы согреть. Серебряный браслетик-цепочка Элис с болтающейся буквой «А», который Ванесса подарила ей на Рождество, сверкал под светом ламп.

В спальне Ванесса медленно приблизилась к окну и посмотрела вниз на подъездную дорожку. Сиенна помахала ей из окна машины. Ванесса помахала в ответ, и, когда автомобиль скрылся за углом, лицо девочки все еще мелькало перед ее внутренним взором.

Как же похожа на Элис, думала Ванесса. Она так похожа на Элис, что это почти невыносимо.

Глава вторая

Уиллоу

Четверг, 21 декабря 2017 года

Каблуки Уиллоу Джеймс громко цокали, пока она поднималась по деревянным ступеням и пересекала сцену актового зала Кингстонской администрации, в котором проходили сотни рождественских спектаклей, летних ярмарок и вечеров игры в бинго.

Положив свои заметки на кафедру, Уиллоу спрятала дрожащие руки за спину и посмотрела на море лиц, глядящих на нее в ожидании. Она решила одеться элегантнее, чем обычно, но вдруг почувствовала неловкость из-за своего наряда – недавно купленного темно-синего блейзера и белой блузки от «Зара», узких джинсов и коричневых сапог. Уиллоу придала феном волнистость своему черному каре, нанесла любимую помаду «Шанель» нежно-телесного оттенка и темно-серые тени, подчеркивающие ее льдисто-голубые глаза. Но теперь она

беспокоилась, что выглядит слишком формально. Уиллоу всегда старалась выглядеть попроще для встреч с жителями деревни, чтобы не казаться им чересчур официальной, но сегодня решила, что заключительная презентация оправдывает боевую раскраску.

Питер, смотритель здания, сообщил ей с гордостью, что выставил более сотни стульев перед выступлением. Все они теперь были заполнены, а запоздавшие слушатели все еще прибывали, толпясь в дверях. Питер, добродушный мужчина с седыми волосами и улыбающимися глазами, поведал, что занимает должность смотрителя почти сорок лет.

Стоя в ожидании, пока стихнет шум голосов, Уиллоу оглядела аудиторию в поисках знакомых лиц и заметила своего босса, Майка Скотта, разговаривающего по мобильному телефону. Их клиент, Лео Хилтон, с кем они больше года работали над планами жилищного строительства стоимостью в пять миллионов фунтов, только что прибыл и пробирался по проходу, чтобы сесть рядом с ним. Майк, как обычно, был свежевыбрит и одет в свою неизменную черную водолазку, джинсы и черное пальто. Лео, будто для контраста с ним, был в непромокаемой куртке, высоких ботинках и бейсболке. Место по другую сторону от Лео оставалось свободным – для его жены, предположила Уиллоу. Она встречалась с Хелен пару раз, мимолетно, и помнила ее как тихую женщину с тонкими чертами лица, которая не принимала большого участия в проекте.

Двумя рядами дальше сидел Чарли, приятель Уиллоу, и его родители – Лидия и Джон. Они гордо улыбались ей, оживленно общаясь со своими друзьями и соседями из Кингстона, где прожили более десяти лет. Джон ободряюще подмигнул Уиллоу, а Лидия помахала.

Вскоре в зале воцарилась тишина, лишь где-то сзади требовательно кричал маленький ребенок. Уиллоу глубоко вздохнула и заставила себя улыбнуться.

– Приветствую всех и благодарю за то, что пришли. – Хотя она наклонилась к микрофону, ее голос звучал тихо в переполненном помещении.

– Мы вас не слышим, уважаемая! – прокричал мужчина с задних рядов, и собравшиеся жители деревни снова стали перешептываться между собой. Уиллоу ощутила, как ее лицо вспыхнуло, а по коже побежали мурашки, когда

она взглянула на Майка, хмуро наблюдавшего за ней.

Она начала возиться с микрофоном, безрезультатно постукивая по нему, пока Лео не выскочил на сцену и не включил его.

– Вот так, – сказал он, подмигнув ей. Пряди светлых волос выбивались из-под его кепки.

– Благодарю, Лео! – произнесла Уиллоу, и микрофон визгливо зафонил.

Она заметила, как женщины средних лет из первого ряда с обожанием смотрели на Лео, пока тот спрыгивал со сцены и возвращался на свое место. На каждом собрании, которое Уиллоу проводила вместе с ним, Лео, казалось, производил необычайный эффект на людей – как на мужчин, так и на женщин. Он излучал обаяние, но не напоказ; держался тепло, дружелюбно и предупредительно, часто запоминая мельчайшие подробности из жизни людей. Лео открыто говорил о собственных недостатках – какой он неорганизованный, рассеянный и забывчивый, – но всегда старался изо всех сил помочь. Ему не помешало бы подстричься, Лео часто появлялся в поношенной одежде, однако был очень хорош собой, напоминая Уиллоу ковбоев из вестернов, которые любил смотреть ее отец. Сиенна обожала Лео, хотя тот, похоже, никогда не был особенно увлечен дочерью. Он на нее не сердился, но, если Сиенна забиралась к нему на колени во время деловых встреч и задавала вопросы, Лео редко обращал на нее внимание. А если она скакала вокруг, когда Уиллоу с Майком приезжали к ним на участок по рабочим вопросам, то отправлял ее обратно в дом. Впрочем, что я в этом понимаю, подумала Уиллоу. Ее отношения с собственным отцом определенно оставляли желать лучшего, так что она имела мало положительного опыта.

Уиллоу вздохнула и заново начала свою речь.

– Доброе утро и большое спасибо, что пришли сюда в такой холодный декабрьский день. – Ее голос гремел по залу, микрофон наконец ожил. – Это прекрасное свидетельство замечательной сплоченности общины Кингстона, места, которое я хорошо узнала за последний год. И очень приятно, что многие из вас выбрались ознакомиться с нашим окончательным вариантом этого впечатляющего строительства. Завтра он будет представлен архитектурному департаменту.

Уиллоу глубоко вздохнула и, осмотревшись, поймала взгляды нескольких местных жителей, с кем работала в прошлом году: выслушивая их и развеивая озабоченность по поводу увеличения интенсивности дорожного движения, к которому приведет строительство; встречаясь с ними за кофе, чтобы погасить их страхи насчет утраты здания деревенской ратуши; обсуждая вопросы о плане развития территории, чтобы передать их сотрудникам отдела по охране окружающей среды в Брайтоне, с которыми она находится в крепких, доверительных отношениях, для достижения различных компромиссов, устраивающих всех участников.

– Теперь, на заключительном этапе проектирования, надеюсь, вы понимаете, как мы благодарны каждому из вас, кто обратился к нам, сотрудничал с нами и поддержал точку зрения нашего архитектурного бюро – плечом к плечу с мистером Лео Хилтоном, разработавшим этот долговременный, взаимовыгодный и впечатляющий новый проект для Кингстона. Я знаю, многие из вас глубоко опечалены тем, что вместо этой прекрасной деревенской ратуши и Дома викария, которые так дороги вам, здесь вскоре появится нечто иное. Но, уверяю вас, мы внимательно выслушали все пожелания и сегодня хотим предложить вашему вниманию презентацию нового общественного центра с библиотекой. Как мы надеемся, он станет точкой притяжения для всех жителей деревни.

Уиллоу повернулась к экрану проектора и продемонстрировала первое изображение. Ей потребовался месяц, чтобы полностью разработать весь проект, состоявший из десяти частных домов и «общественного хаба», как любил называть его Майк. Однако этому предшествовали двенадцать месяцев борьбы: сбор экспертных заключений, составление отчетов, победа над различными консультантами, от кого зависело утверждение планов, и – наиболее сложное из всего – привлечение на свою сторону местных жителей, чтобы они не возражали против реализации проекта. А он вышел на финишную прямую, и до его одобрения оставалось лишь двадцать четыре часа.

– Не мог бы кто-нибудь погасить свет? Спасибо, Питер, вы мой герой! – произнесла Уиллоу, когда тот показал ей большой палец с противоположного конца зала и щелкнул выключателем, погрузив всех присутствующих во тьму. – Надо будет подарить вам супергеройский плащ на Рождество! – добавила она, и зрители заулыбались.

Уиллоу начала свой доклад, сопровождая его изображениями на экране, но первая же картинка «Коттеджный поселок “Тисовое дерево”: реализованная

мечта» вернула ее в тот день, когда Майк вызвал ее к себе в кабинет и объявил, что ей дают первый крупный самостоятельный проект. После без малого пяти лет попыток Уиллоу как-то проявить себя, пока она изготовляла чертежи для других архитекторов, застряв за своим столом и лишь изредка выбираясь по особому приглашению на строительные площадки и встречи с планировщиками, но в то же время отчаянно желая создавать собственные пространства и не получая на это шанса, ей поручили разработать с нуля проект стоимостью в пять миллионов фунтов.

– В общем, задача непростая, Уиллоу, – сказал Майк, наклонившись через стол. – Мы сносим не только занесенное в охранный список георгианское поместье, освобождая площадку под новые дома, но и коттедж викария с деревенской администрацией, чтобы привести в порядок дорожную инфраструктуру. – Он постукивал ручкой по блокноту, пока не продырявил страницу. – Это здание относится к заповедной зоне, однако оно блокирует весь участок. Мы не можем строить вокруг него. Большой красивый особняк считается сердцем деревни, его все любят, поэтому тебе нужно спроектировать новую застройку таким образом, чтобы она выглядела гораздо интереснее нынешней. Позднее нам потребуется найти консультанта по охране окружающей среды, и он объяснит, что проект улучшает и сохраняет территорию, а также нескольких специалистов-экологов, которые подтвердят, какой она будет зеленой.

По мере того как Майк продолжал, до Уиллоу начинало доходить, что дом, который шеф описывал как «сердце деревни», кажется ей пугающе знакомым. Очень быстро ее энтузиазм сменился страхом, а по шее поползли мурашки.

– Очень важно – и мы надеемся, что это дело как раз по тебе, – получить согласие местных жителей и убедить их, что существующее здание торчит там как бельмо на глазу. Кроме того, разумеется, тебе нужно найти инженера-строителя, который заявит, что оно разваливается. Это будет нелегко.

– Ты говоришь о Тисовом поместье? – уточнила она, широко раскрыв глаза.

– Хорошо, что ты его знаешь. В общем, понимаешь, с чем мы столкнулись. – Майк взъерошил свою свисающую челку и откинулся на спинку кресла.

– Почему Лео Хилтон хочет снести его? Оно принадлежало его семье много поколений. Его мать ведь еще жива? – Уиллоу не могла скрыть своего

удивления.

Майк нахмурил брови.

– Думаю, мать Лео Хилтона не входит в число проблем, которые нам придется решать в данный момент. Он упоминал, что она плохо себя чувствует, и у него есть доверенность, вот и все, что имеет значение. Ты так говоришь, будто знакома с этой семьей, ты их откуда-то знаешь?

– Конечно нет. Просто родители моего приятеля живут в Кингстоне, они упоминали Тисовое поместье. Хилтоны там отлично известны, – добавила она, чувствуя, как краснеют щеки.

– Хорошо, если твои близкие живут в Кингстоне; возможно, они помогут нам заручиться поддержкой местных. Ну а если данный проект представляет для тебя какие-то сложности, я могу предложить его Джиму. Я-то полагал, ты будешь на седьмом небе от счастья.

У Уиллоу вертелся на языке вопрос – обязательно ли сносить Дом викария, в котором ее отец провел первые тринадцать лет жизни, но это вызвало бы много подозрений. Она выяснит это достаточно скоро. На мгновение Уиллоу задумалась, не спрашивал ли Лео Хилтон конкретно о ней, но она не была уверена, что он вообще знал о ее существовании, не говоря уж о месте работы. А если даже и знал, зачем ему разыскивать ее?

Пока Майк внимательно смотрел на Уиллоу с прищуром, постукивая пальцами по подлокотнику, она едва сдерживалась, чтобы не заявить, что не сможет этим заняться. Мысли лихорадочно метались: ей представился шанс проявить себя после стольких лет учебы и студенческих долгов. Даже уже получив диплом архитектора, Уиллоу старалась, чтобы ее воспринимали всерьез в отрасли, где преобладают мужчины. А теперь внезапно проект, о каком она могла лишь мечтать в начале карьеры, оказался преподнесен ей на блюдечке, но с оговоркой, что придется работать с Хилтонами – семейством, которое, по сути, сломало жизнь ее отцу.

– Я очень рада, Майк, спасибо большое, – произнесла она. – Наверное, просто слегка ошеломлена. Это весьма неожиданно.

– Верно, – хмуро согласился он. – Ну, не настолько уж и неожиданно. Ты усердно работала, Уиллоу, и мы чувствуем, что ты готова, а если вдруг нет, то мне важно знать это сейчас.

– Безусловно я готова! – заверила она, пытаясь не думать о разговоре, который ей предстояло по этому поводу провести с отцом. Уиллоу боялась этого разговора, а теперь, когда проект был почти завершен, надеялась вообще избежать.

Но за прошедшее время, пока ей удавалось выбросить из головы мысли об отце, туда словно прокрался другой человек. Шестилетняя Элис, младшая сестра Лео Хилтона, сбежавшая от родителей во время новогоднего праздника в Тисовом поместье, в последний день 1969 года. «Неразгаданная тайна исчезновения Элис Хилтон», как называли это газетчики. Девочка пошла искать в снегу своего щенка и, прежде чем пропасть в ночи, столкнулась с молодым Бобби Джеймсом – отцом Уиллоу. Он снова и снова повторял полицейским, что не знает о дальнейшей судьбе Элис, но те нашли его носовой платок с пятнами ее крови, и по сей день, почти пятьдесят лет спустя, полиция – и Ванесса Хилтон – подозревали, что он имеет какое-то отношение к ее исчезновению. Несколько лет назад Уиллоу узнала, что ее отец тогда был уже хорошо известен полиции, поскольку огреб неприятностей из-за поджога коровника Хилтонов. Она была уверена, что это произошло случайно, но, когда потребовала от отца объяснений, тот замкнулся. Полицейские давили на него три дня и три ночи, заставляя признать вину в исчезновении Элис, пока он не сорвался и не набросился на дознавателя, швырнув стул в окно комнаты для допросов. После чего Бобби Джеймса отправили в исправительное учреждение для несовершеннолетних преступников, где над ним ежедневно издевались и избивали охрана и заключенные, пока он наконец не вышел оттуда три года спустя.

Уиллоу представляла эту сцену в полицейском участке так ясно, словно находилась там сама. Она знала, что ее отец не причинял вреда Элис, но понимала также, что, когда он вот так отказывается говорить, его молчание легко принять за чувство вины. Уиллоу пыталась бороться с этой чертой его характера, однако отец наотрез отказывался обсуждать события минувших дней, как бы она ни умоляла.

В конце концов Уиллоу сдалась. Нежелание отца рассказывать о своем прошлом вызывало в ней глубокую обиду, которая и заставила ее согласиться на проект

«Тисовое дерево». Вероятно, работая на Хилтонов, она сумеет найти какие-то следы его жизни в Доме викария, узнает что-нибудь о Лео, об Элис и обо всем том, о чем отец никогда не говорил с ней. После жизни среди секретов это была слишком заманчивая возможность, чтобы отказываться.

Но почти сразу после того, как Уиллоу согласилась вести проект, Элис Хилтон стала являться к ней во сне – всегда в красном платьице, которое, как писали газеты, было на ней в ночь исчезновения. Отныне пропавшая Элис постоянно незримо присутствовала в жизни Уиллоу. Сейчас ей было бы пятьдесят четыре года, но, исчезнув, она навечно застыла во времени – шестилетней девочкой в красном одеянии.

Во время посещений объекта, пока они просматривали планы Тисового поместья, Сиенна, дочь Лео Хилтона, порой показывалась наверху – копия Элис с портрета, висевшего в холле, отчего по рукам Уиллоу пробегали мурашки, и она заставляла себя не глазеть на девочку.

Дверь актового зала внезапно хлопнула, и появилась Хелен. Ее бледные щеки залились краской, когда присутствующие обернулись к ней. Она заозиралась в поисках Лео, тот помахал ей, и Хелен направилась к нему вдоль ряда, шепотом извиняясь перед привставшими людьми.

– Как многие из вас, вероятно, уже заметили, – продолжила Уиллоу, завершив показ слайдов и отвлекая внимание от Хелен, – нами представлен замечательный макет будущей застройки Тисового поместья, чтобы вы могли им полюбоваться. Прошу, угощайтесь чаем и пирогами в буфете, любезно организованном Питером, а мы, разумеется, будем здесь, чтобы ответить на любые вопросы, которые возникнут у вас перед завтрашним совещанием по планированию. Еще раз благодарю за уделенное мне время.

Под аплодисменты присутствующих Уиллоу улыбнулась и спустилась по ступенькам туда, где ее ожидали Лео и Майк. Лео обнял ее одной рукой, крепко стиснув плечо.

– Чудесный материал, великолепная работа, Уиллоу! – воскликнул он. – Не думаю, что у нас когда-либо собиралось здесь столько народу, даже когда Алан Титчмарш приезжал подписывать свою книгу. Вам есть чем гордиться, верно, Хелен?

Хелен уставилась на нее ярко-голубыми глазами, которые, по мнению Уиллоу, не сочетались с ее мышиной внешностью. Уиллоу никогда не понимала, чего ожидать от жены Лео. Несколько раз они встречались на совещаниях в Тисовом поместье, однако Хелен, хотя и вела себя безупречно вежливо, неизменно держалась от нее на расстоянии. Уиллоу не знала, кажется ей это или нет, но Хелен стремилась покинуть комнату, как только она входила туда.

– Да, несомненно, – произнесла Хелен, задержав взгляд на Уиллоу. – Вы добились невозможного.

– Благодарю вас! – откликнулась Уиллоу, размышляя над словами, в которые Хелен облекла свою мысль.

Возле Лео уже толпились желающие с ним поговорить пять или шесть жителей деревни с кружками горячего чая в руках. Он повернулся к их сияющим физиономиям.

– Марта, как мило с твоей стороны прийти, хотя ты только что из отпуска! Надо сказать, выглядишь замечательно, очевидно, прекрасно провела время. Привет, Джим, как твоя спина?

– Хотите чашечку чая, Хелен? – спросила Уиллоу.

– Да, пожалуй.

Хелен оглянулась через плечо на дверь, словно высматривала кого-то или искала путь к отступлению. Уиллоу подозревала, что Хелен не станет дожидаться чая, который она собиралась ей принести, но тепло улыбнулась, прежде чем отойти.

Уиллоу наблюдала у чайной стойки, как Лео купается во внимании слушателей. Его необычайная популярность в Кингстоне, безусловно, облегчала ей жизнь, хотя и напоминала о ее предательстве. Отец очень редко говорил о Хилтонах, поэтому Уиллоу понятия не имела, как он относится к старшему брату Элис. Она вспомнила единственный случай, когда имя Лео Хилтона всплыло в связи с пожаром в коровнике, случившимся в Тисовом поместье незадолго до исчезновения Элис. На самом деле пожар устроил Лео Хилтон, заявил отец, но Ричард, отец Лео, попросил Бобби взять вину на себя. До того момента Бобби не

лгал ни разу в жизни, сказал он дочери, и это стало началом его падения. Так впервые Бобби пересекся с полицией, что навсегда запятнало его в их глазах. Мгновение, изменившее все.

Уиллоу не знала, как ей следовало относиться к Лео Хилтону. Действительно ли тот устроил пожар, в котором обвинили ее отца. Ей нравилось работать с ним, и она отмечала, как старательно Лео стремится показать всем, какой он свойский парень, несмотря на то, что владеет половиной деревни. Но порой Уиллоу видела проблески и другой стороны его натуры. Раздражительной, которая иногда всплывала на поверхность, если что-то шло вразрез с его планами.

Помешивая чай в обеих чашках, Уиллоу следила за Хелен, молча стоявшей возле мужа. Уиллоу казалось, что в их браке не хватает тепла. Они держались вежливо друг с другом, однако общались без особой сердечности, и каждый их разговор вращался только вокруг Сиенны. Хелен редко улыбалась Лео, да и то – лишь одними губами, глаза при этом оставались равнодушными.

– Вот, Хелен, держите, – сказала Уиллоу, подойдя к ней с чашкой.

Глаза Хелен заблестели, похоже, от слез, отчего стали еще голубее, когда она молча взяла чай.

Майк внезапно появился рядом и улыбнулся Хелен.

– Извините, что вмешиваюсь. Уиллоу, застройщики позвонили. Нам нужно сегодня же встретиться с ними для подписания документов, так что я повезу Лео и Хелен в офис прямо сейчас. Ты не против остаться здесь за хозяйку?

Уиллоу улыбнулась такой просьбе босса, прежде чем сообразила, что он всерьез намеревается бросить ее одну в этом «логове львов».

– Да, но тут слишком много народа, Майк, – пробормотала она, пытаясь подавить изумление. Хелен нервно улыбнулась и направилась к мужу.

– Я понимаю, но завтра Лео уезжает из страны и хочет обсудить с нами еще один заказ. И все это исключительно благодаря тебе. Тут все пляшут под твою дудку, Уиллоу. Я не мог надеяться на лучший результат. И не волнуйся, Келли скоро

подъедет, чтобы помочь тебе вернуть макет в офис.

Уиллоу наблюдала, отвлекшись, как Хелен и Лео перекинулись парой слов, после чего Хелен развернулась и отошла, явно расстроенная. Уиллоу попыталась сосредоточиться на том, что говорил Майк.

– Келли? У нее и так забот хватает. Все нормально, Чарли здесь, он мне поможет. – Она представила, как Келли, их весьма несдержанная на язык офис-менеджер, ругается, услышав от Майка, что должна ехать в Кингстон, вместо того чтобы разбираться с кипами бумаг на столе.

– Уиллоу, простите, что перебиваю, разрешите представить вам мою жену Дороти? – Уиллоу отвела взгляд от Майка и обернулась к Питеру, подошедшему сзади под руку с женщиной лет семидесяти. У той были улыбчивые глаза и аккуратное каре седых волос, одета она была в бежевый кашемировый джемпер и серое шерстяное пальто.

– Добрый день! – тепло поприветствовала ее Уиллоу, заметив, что Майк уже уводит Лео прочь. Лео обернулся и весело помахал ей рукой, явно не задумываясь о ее затруднительном положении.

– Вы отлично провели презентацию, – произнесла Дороти. – Проделали такую огромную работу, чтобы развеять нашу тревогу. – Уиллоу заметила, что она покосилась на дверь, когда Хелен выходила.

Почему-то огорченный вид Хелен и фраза Майка о том, что вся деревня пляшет под ее дудку, выбили Уиллоу из колеи. Ее охватил страх, когда она оглядела переполненное помещение. Казалось, все вокруг знают что-то, о чем не известно ей. В манерах Майка также кое-что изменилось – напускная сердечность исчезла, ведь он почувствовал, что дело сделано.

– Уиллоу, с вами все в порядке? – спросил Питер, когда она снова повернулась к ним.

– Да, извините, приятно познакомиться! – Уиллоу пожала протянутую ладонь Дороти.

– Взаимно. Мы живем в этой деревне уже более пятидесяти лет и хорошо знаем Хилтонов, поэтому не хотели бы ставить палки в колеса. Но как не беспокоиться из-за проекта, который окажет такое серьезное влияние? Думаю, помогло то, что родители вашего мужа тоже здесь живут и могут за вас поручиться.

Внимание Уиллоу было приковано к двери, через которую выходили Лео и Майк. Наконец она снова оглянулась на Дороти, внезапно ощутив порыв защитить родных Чарли и тревогу, что Майк использовал ее в своих целях.

– Ну, официально мы не женаты, однако семья моего парня очень меня поддерживала.

– Да, Чарли славный малый, не позволяйте ему удрать! – улыбнулась Дороти, поглядывая на мужа, который откусил большой кусок пирога с мясом и с энтузиазмом кивал. По характеру она показалась Уиллоу довольно властной, но явно представляла собой пример счастливой жены, довольной совместной жизнью с мужем.

– Я только хотела спросить еще вот о чем, – продолжила Дороти. – Мы никак в толк не возьмем, что случилось с погостом возле Дома викария?

У Уиллоу екнуло сердце.

– С погостом? – переспросила она, стараясь не выдать своего удивления.

– Да, мы живем в коттедже «Тисовое дерево», ну знаете, который выходит крыльцом на Дом викария, и заметили, что теперь там засеянная лужайка. Когда Лео успел его рекультивировать? – Дороти пристально смотрела на нее в ожидании ответа, крошка печенья прилипла к ее нижней губе.

– Хм. – Уиллоу запнулась, чувствуя, как колотится сердце. – Полагаю, все это произошло до того, как мы взялись за дело.

– Ясно. Я считала, что это будет весьма долгий, затяжной процесс, но, очевидно, нет. Не уверена, что там находилось официальное кладбище, однако там точно стояли какие-то памятники. Наверное, это была просто мемориальная площадка.

Уиллоу выдавила улыбку, ее беспокойство росло с каждой секундой.

– Мы рады, что вы участвуете в разработке, – произнесла Дороти. – Полагаю, все волновались, пока не появились вы. Но вы нарисовали столь захватывающую картину, что сразу завоевали симпатии нашей общины. Я о том, что, конечно, прекрасно, когда кто-то указывает на положительные стороны, грамотно объясняет, насколько выгоден проект для деревни – больше денег от проезжих и прочие прелести; но пока не пощупаешь нечто материальное, вроде вон того вашего макета, и не увидишь своими глазами планы, представленные в совет, трудно поверить, что наша жизнь не станет хуже.

Уиллоу заметила, что еще одна пара подошла и встала поблизости, ожидая, пока она завершит разговор с Питером и Дороти.

– Здравствуйте, Уиллоу, простите, что встреваем, мы просто хотели узнать, можете ли вы рассказать нам о планировке библиотеки.

– Разумеется. Прошу меня извинить, Дороти, – сказала Уиллоу, поворачиваясь к макету поселка «Тисовое дерево», о котором говорила Дороти.

Все внимание собравшихся, похоже, было сосредоточено на этой картонной композиции – на проекте, за который она боролась целый год и даже рискнула профессиональной репутацией. «Здесь все пляшут под твою дудку». В словах Майка чувствовалось высокомерие, хотя они и казались лестными на первый взгляд. Это звучало неуважительно по отношению к ней и к людям, которые ей доверяли. Уиллоу ощутила, как жар еще сильнее расползается по шее и спине. Ей вспомнились все разговоры с боссом, от них она чувствовала себя неловко, потому что тот требовал поступков, которые нельзя было назвать полностью этичными. Он описывал это как «взгляд на вещи под иным углом зрения, использование стратегического мышления, чтобы действовать в интересах клиента, не показывая слабости, вести собственную игру». И она соглашалась с ним ради того, чтобы получить разрешение на проект и заключить сделку. Чтобы к ней относились серьезно в мире, где командуют мужчины.

Покосившись на макет, вокруг которого теперь стояло дюжины две людей с пирожками и горячими напитками в руках, Уиллоу поняла, что все выжидательно смотрят на нее. Она глядела на картонные дома и представляла, что на них падает снег. Картонные фигурки входят и выходят из библиотеки и

общественного центра, не спеша движутся по улицам, а с противоположной стороны участка приближается маленькая фигурка в красном платье, появившаяся из Тисового поместья. Уиллоу завороженно наблюдала, как фигурка, оставляя крошечные следы, направляется к большому дубу, где ее отец столкнулся с Элис Хилтон в последний день уходящего 1969 года. Звон чашек и тарелок, гул разговоров отдалялся, звуча словно сквозь вату, пока Уиллоу наблюдала, как крошечная фигурка добралась до леса и вскоре исчезла. Ей стало трудно дышать, стены зала будто смыкались вокруг нее. Несмотря на то что разработка проекта завершалась и до начала застройки Тисового поместья и сноса Дома викария, вероятно, оставалось всего несколько дней, она никогда не смогла бы вычеркнуть ту ночь из их жизни. Участие в проекте не помогло ей узнать больше о том, что случилось с ее отцом и тетей Нелл. Уиллоу лишь чувствовала себя виноватой в том, что предает отца, и теперь она жалела, что принялась ворошить все это.

Отец был прав: ей следовало просто оставить прошлое в покое.

Она играла с огнем.

Тисовое поместье и маленькая Элис вцепились в них мертвой хваткой и никогда не отпустят.

Глава третья

Нелл

Декабрь 1969 года

– Вставай, Нелл Джеймс, – прошептал Бобби, расталкивая свою младшую сестренку. – Пора на дойку.

– Сейчас середина ночи.

– Нет, уже пять часов утра. Пойдешь со мной или останешься валяться?

– Пойду. Не уходи без меня, Бобби, – произнесла Нелл, откидывая одеяло и отчаянно зевая.

Бобби не сдержал улыбки – такой у сестренки был забавный вид. Розовая со сна, с носом-пуговкой, усыпанным веснушками, и темно-каштановыми волосами, как у матери, она смотрела сквозь брата рассеянным взглядом голубых глаз. Бобби снял со спинки кованой железной кровати ее комбинезон, джемпер, толстые носки и положил рядом с сестрой.

– Мне снилось, что у Молли щенки и они лижут меня в ухо, – сообщила Нелл, протирая глаза. – Как думаешь, они скоро появятся?

– Ты с ума сходишь по этим щенкам, хотя они еще даже не родились, – усмехнулся Бобби.

– Я хочу, чтобы папа разрешил ей жить в доме, возле камина. Этим бедным малышам нельзя оставаться в сарае на снегу, они там умрут.

– Ну, у отца сейчас и без того хватает хлопот, Нелл. Щенки вряд ли находятся на первом месте в списке его неотложных дел. – Бобби тяжело вздохнул. – Быстрее одевайся, на улице холодно, вся земля промерзла.

Нелл посмотрела на брата. Тот выглядел печальным, как обычно, когда их отец пребывал не в духе.

– Я слышала, как вчера вечером папа разговаривал с тобой, Бобби, – произнесла она, округлив глаза. – По поводу полиции. Что стряслось?

Бобби опустил голову. Нелл знала, что он расстроен; каким-то образом она всегда понимала чувства брата.

– В сарае Хилтонов произошел пожар. – Бобби поднял взгляд и заметил испуг на лице сестры. – Не волнуйся. Это получилось случайно, Нелл. Ричард быстро все потушил, никто из животных не пострадал.

– Что значит – «случайно»? Как именно? – Глаза Нелл наполнились слезами.

Бобби выдержал долгую паузу, размышляя, говорить или нет, прежде чем решил сказать правду.

– Они жгли там какие-то старые доски. Слишком близко ко входу в сарай, и огонь перекинулся на тюк сена. К счастью, я заметил это с поля и побежал к дому, чтобы поднять тревогу, и Ричард подоспел вовремя.

Нелл нахмурилась, видя, как Бобби ходит вокруг да около.

– А почему полиция хотела поговорить с тобой?

– Потому что огонь нанес крупный ущерб, и Ричард хочет потребовать возмещения по страховке, поэтому ему нужно было, чтобы я взял вину на себя.

– А что такое ст… стра-ховка? – Нелл запнулась на незнакомом слове.

– Слушай, Нелл, тебе совершенно не о чем беспокоиться. – Бобби натянул на ноги сестры толстые шерстяные носки.

– Зачем Ричарду нужно, чтобы ты брал вину на себя? Тебе не следовало этого делать, Бобби, ты не должен был лгать! Особенно полиции. А кто же все-таки поджег?

– Лео, но он не нарочно, он просто иногда не понимает, что творит. Ричард бывает с ним довольно строг, – тихо ответил Бобби, погруженный в свои мысли. Он выглядит печальным, подумала Нелл.

– Элис говорит, что он бьет Лео ремнем. Мне не нравится Ричард. Ты не должен ему доверять. Он хочет отобрать у нас дом.

– А ты откуда об этом знаешь? – нахмурился Бобби, глядя на сестру.

– Я слышала, как папа беседовал с человеком в костюме, вчера вечером он приходил к нашим дверям. Ты работал, а папа думал, что я сплю. Я слышала, как этот человек говорил, что Ричард Хилтон намерен снести Дом викария и построить тут несколько новых домов. Он уже продал всю землю.

– Ну и что? Ричард обещал мне, что позаботится о нас, как только сделка состоится.

– Но это не его дом, чтобы решать, сносить или нет, а папин. Дом оставил ему еще отец Ричарда. Так говорил отец.

– Все не так просто, Нелл. Ты еще слишком мала, чтобы понять.

– Я уже большая. Мне не нравится Ричард. Ты не должен доверять ему, Бобби, он ужасно относится к Лео.

– Зато он всегда мил с твоей подружкой Элис. Шевелись, тебе нужно одеться. И не задавай отцу никаких вопросов про дом. Сегодня он не в лучшем настроении.

– Но где же мы будем жить, Бобби?

– Что-нибудь придумаем, Нелл. Не начинай плакать. И, ради всего святого, не упоминай о щенках!

– Ох, Бобби, ты действительно считаешь, что он оставит их в сарае? – Нелл, казалось, забыла об их собственной грядущей бездомности. – Он позволит мне смотреть, как они рождаются? С коровами ведь позволяет. Я очень надеюсь, что они выживут, хотя бы двое, чтобы я забрала одного, а Элис – другого. Ее мама не возражает. Элис пока не придумала имя щенку, но я своего точно назову Снежок.

– Ты самая болтливая из всех, кого я знаю, Нелл Джеймс! – воскликнул Бобби. – Говоришь во сне, во время еды, говоришь, даже когда плачешь!

– Я люблю разговаривать. Как иначе люди узнают, о чем ты думаешь? – Нелл, насупившись, серьезно смотрела на брата.

– Ты можешь попробовать иногда замолкать и думать о том, что собираешься сказать, прежде чем что-нибудь ляпнуть. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Ты же знаешь, что в некоторых случаях следует быть осторожной. Особенно сейчас, когда вон что происходит. Не известно, кому можно доверять.

Нелл начала расчесывать свои спутанные волосы, которые всегда выглядели так, словно она только что кубарем скатилась с холма, собрав головой все попавшиеся былинки.

– Я доверяю Элис. Она – моя лучшая подруга, я ей все рассказываю.

– Да, но она еще и дочь Ричарда, так что, наверное, пока делать этого не следует. – Слезы опять хлынули из глаз сестренки. – Ох, Нелл, хватит расстраиваться! Давай, поторопись, ты же знаешь, как сердится отец, когда ему приходится нас ждать.

Балансируя на непослушных со сна ногах, Нелл влезла в комбинезон и натянула через голову старый шерстяной джемпер брата, который связала ему мать. Она выглянула в окно, но не увидела там ничего, кроме зимней предрассветной тьмы. Однако по знакомым звукам, какие изучила за всю жизнь, проведенную в Доме викария, с легкостью воссоздала обстановку снаружи. Скрежет ворот по каменному полу сарая, протестующее мычание коров, пока отец хлопает их по заду и выкрикивает указания, загоняя в доильное помещение.

– Пошли, отец приготовил овсянку, – сказал Бобби, с грохотом сбегая вниз по ступенькам. В очередной раз потирая глаза в попытке отогнать сладкий туман сна, Нелл слышала, как коттедж оживает перед предстоящим днем: звон посуды, пока Бобби накрывал на стол, свист чайника на плите, хлопок двери, когда отец вошел в дом и заговорил с Бобби.

– Нелл сказала, что слышала твою беседу с юристом насчет дома. Куда мы денемся, когда нас вышвырнут? – тихо спросил Бобби.

– Мы никуда отсюда не уйдем! – заявил отец.

– Хочешь, я попробую поговорить с Ричардом? – предложил Бобби. – Вдруг мы сможем снять что-нибудь поблизости. У него есть и другие дома в деревне.

– Нет! Это мой дом, я в нем вырос. Уилфред Хилтон оставил его мне в своем завещании, и мы съедем только через мой труп! Ты еще понятия не имеешь, на что способна эта семейка. Не удивлюсь, если Ричард специально выгонял скотину в поле рядом с нашей, чтобы заразить наше стадо. – Нелл услышала гнев в голосе отца.

– В каком смысле – «заразить наше стадо»? – встревоженно спросил Бобби.

– Бесси не ест, и у нее опухли лимфатические узлы. Придется звонить ветеринару и отделять ее от остального стада.

– Они что, заразили нас туберкулезом? А Ричард знает?

– Да, он в курсе. – Отец был мрачен, и Нелл хотелось утешить его.

– А вдруг нам придется уничтожить все стадо? Мы останемся ни с чем.

Сбежав по лестнице, Нелл бросилась к столу и обняла отца:

– Доброе утро, папочка!

– Доброе утро, Нелл! – воскликнул Альфи Джеймс, с нежностью глядя на дочь.

– Папа, а можно Молли со щенками будет жить в доме около камина? В сарае холодно. Пожалуйста, папочка, пожалуйста! – Нелл умоляюще смотрела на отца, и слезы уже снова мелькали в ее глазах.

– Дом – не место для собак. Ей хорошо и в сарае, там достаточно тепло, – твердо ответил Альфи.

– Но сейчас снег, а они рождаются почти без шерсти и слепыми. Им будет страшно и холодно. – Голосок Нелл дрожал от волнения.

– Нелл, перестань! – вмешался Бобби. – Молли еще не родила этих чертовых щенков! Я просил тебя с этим не лезть!

– Но собакам Элис можно заходить в дом. – Щеки Нелл вспыхнули. Она знала, что упоминание подруги заденет всех за живое.

– Ну, у них больше места, чем у нас, – пробормотал отец.

Размазав рукавом слезы, Нелл принялась дуть на кашу, шаря взглядом по дому, который хотя и являлся для нее лучшим домом в мире, не вызывал в ней того теплого чувства, какое она испытывала, приходя в гости к Элис. Несмотря на камин, здесь всегда царила прохлада и не имелось ни цветов, ни ковров, ни подушек, которые делали дом Элис таким уютным. Они почитали за счастье, что в кладовой всегда полно еды, но в Тисовом поместье были и пирожные, и булочки, и специальный чайник с заварочным чайничком сверху. Тихое счастье искрилось там повсюду: в картинах, в украшениях, в запахе духов матери Элис. Нелл была единственной девочкой в своем доме и не чувствовала себя достаточно взрослой, чтобы делать все то, что обычно делают матери для придания уюта и о чем эти мужчины с их грязными сапогами и склонностью к беспорядку не имеют никакого понятия.

Оглядывая собственную кухню, Нелл часто представляла, как Элис сидит у себя дома за большим дубовым столом возле теплой плиты, мать читает ей сказку, обнимая за плечи; в воздухе витает вкусный запах жареной курицы или говяжьей грудинки, недавно выложенный плиткой пол блестит, два упитанных лабрадора с набитыми желудками спят поблизости. Нелл любила свою семью, но мечтала, чтобы этот образ – Элис на коленях у матери – относился к ней самой. Она не помнила собственной матери, а отец мало о ней рассказывал. Все, что знала Нелл, – та умерла сразу после ее рождения. Нелл проводила много времени, глядя на фотографию матери над камином, рассматривая ее улыбающиеся глаза и длинные волнистые волосы и размышляя, как пахла мать, как звучал ее голос, как бы она обнимала дочь, играла с ней, утешала ее.

– Да, наш дом меньше, но он мне нравится больше, – сказала она отцу. – Куда бы я ни посмотрела, я помню что-то счастливое, что там происходило. – Нелл прищурилась, поводя оттопыренным мизинцем по комнате под треск дров в очаге. – Я вижу, как Бобби танцует со мной вон там, а ты обнимаешь меня у камина, а вон там читаешь мне сказку. – Она снова расплакалась. – Я люблю наш дом! Я не хочу переезжать.

– Не расстраивайся, Нелл. Твой старик-отец настоящий боец! – Альфи подмигнул ей. – Может, ты прекратишь болтать, хотя бы пока ешь кашу? – Он положил в тарелку дочери ложку меда. – Тебе нужны силы, если ты собираешься помогать Бобби.

– А можно мне молока? – спросила Нелл, намазывая масло на холодный тост.

Улыбка отца погасла.

– Не сегодня, Нелл. Нам не следует пить его, пока мы не убедимся, что стадо не заражено туберкулезом. Сегодняшний надой нам тоже придется слить в канаву.

Настроение в комнате моментально омрачилось. Бобби с недоверием уставился на отца:

– Папа, мы не можем вылить все молоко!

Альфи одним глотком допил чай и поднялся из-за стола.

– У нас нет выбора. Оно может быть заразным. А теперь пошевеливайтесь. Коровы сами себя не подоят.

– Зачем нам тогда вообще их доить? – хмуро спросила Нелл, глядя на отца.

– Потому что иначе им будет больно. Коров надо доить два раза в день, в любую погоду, независимо от именин, Рождества и всего прочего. Они этого не понимают и им все равно. Возьми теплую воду, чтобы обмыть им вымя, Бобби.

Пока Бобби снимал с плиты ведро с водой, Нелл надела пальто и обмоталась шарфом. Пронизывающий холод охватил ее сразу же, когда она вышла на улицу и направилась по хрустящей под ногами мерзлой земле к доильному сараю в лучах восходящего солнца. В конце поля Хилтона Нелл увидела большой диггер[1 - Диггер – универсальная землеройная машина с функциями экскаватора, трактора и бульдозера. – Здесь и далее прим. переводчика.] с желтыми зубьями, направленными прямо на нее – как пасть монстра, готового к прыжку.

– Бобби, почему мы должны отделять телят от коров, когда они рождаются? – спросила она.

– Если телята выпьют все молоко, у нас ничего не останется на продажу. – Он подышал на ладони и потер их друг о друга.

– Я ненавижу, когда нам приходится забирать телят у их мам. Они плачут. Лола пыталась спрятать своего теленка в крапиве, помнишь, чтобы отец его не нашел. – Голос Нелл вновь задрожал.

– Да, было такое. – Бобби вошел в доильный сарай и начал обмывать коровам вымя.

– А моя мама умерла в больнице? Я плакала, когда меня у нее забирали? – тихо произнесла Нелл, обхватив себя обеими руками, чтобы согреться. Ее глаза опять были полны слез.

– Не уверен, поскольку ты ее никогда не знала. Не начинай снова плакать, Нелл, у нас есть работа, ее нужно выполнить, – вздохнул Бобби.

Она закрыла за ними дверь сарая.

– Бобби, скажи, мы потеряем наш дом?

– Не знаю. Хватай тряпку, Нелл, нам нужно протереть им вымя, прежде чем приступать к дойке.

– Но мы все равно всегда будем вместе, правда? – не унималась сестренка, не обращая внимания на его попытки подключить ее к делу.

– Да, Нелл. Слушай, если ты не собираешься помогать мне, то ступай обратно в дом. – Он взглянул на сестру сверху вниз. Та смотрела на него с обожанием, ее глаза сверкали в свете керосиновой лампы, сапожки по щиколотку утопали в навозной жиже, изо рта вырывался пар.

Когда Бобби вернулся к своему занятию, Нелл побрела к задней стене доильного сарая, что-то насвистывая себе под нос. Обернувшись, чтобы убедиться, что никто на нее не смотрит, она толкнула заднюю дверь и вышла в туманное утро. Снежок скрипел под сапогами, пока она шагала к воротам в конце поля. Вдали виднелась большая ива, росшая в нескольких ярдах от озера, которое примыкало к землям коттеджа «Тисовое дерево» и Дома викария. Это было ее любимое дерево. Нелл приходила сюда, чтобы поразмыслить, когда ее что-нибудь тревожило. Направляясь к иве, она рассматривала самодельные

надгробья и кресты, торчавшие в земле позади Дома викария. Порой Нелл думала – как же это место отличается от кладбища при церкви, с элегантными могильными плитами из черного и белого мрамора, с золотыми надписями и свежими цветами, которые прихожане возлагали по воскресеньям, когда посещали службу. Но здешние могилы, похоже, принадлежали тем, о ком никто не заботился. Одна из них зачаровывала Нелл больше всех: просто холмик земли, заваленный камнями. Бобби сказал, что там похоронена ведьма – местные жители утопили ее в озере несколько столетий назад. На камне отсутствовало выбитое имя, вместо него было просто символическое изображение ивы, вырезанное на деревянной табличке. «Камни должны помешать ей восстать из мертвых», – однажды объяснил Бобби, пока сестра смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

В ту ночь Нелл не смогла уснуть. Она представляла, как ведьма возвращается к жизни, выбирается из могилы – длинные черные волосы в репьях, на носу бородавки. Наверняка она летала на метле и варила в котлах зелье из лягушачьих лапок и крови летучих мышей. Эта мысль приводила Нелл в ужас, но Бобби пояснил, что ведьмы были не такими, как их изображают в книгах. Они были мудрыми женщинами, часто повитухами, которых церковь уничтожала, потому что они были чересчур образованными.

Нелл пролезла под забором неподалеку от диггера, выжидая и наблюдая. Солнце уже вставало, когда она продолжила путь по неровной земле, взрыхленной желтозубым монстром. Это было непросто – карабкаться и спускаться по горам дерна, насыпанным диггером, и, когда Нелл приблизилась к иве, луч света отразился от чего-то блестящего у подножия дерева. Сердце учащенно забилось, и она ускорила шаг. Приблизившись, Нелл увидела уголок металлической коробки, которую тут же вытащила из-под земляного крошева, не сняв перчаток. Она осторожно перевернула свою добычу. Коробка была бронзового цвета, с царапинами и вмятинами – отметинами времени. А на лицевой стороне, процарапанное в металле чем-то вроде ножа, угадывалось слово «Белла».

Стянув перчатки, Нелл смахнула прилипшую к крышке землю. Настоящее сокровище, подумала она, прежде чем аккуратно открыть коробку. Внутри оказался старинный ключ с выгравированной на нем ивой.

– Нелл!

От отцовского окрика она вздрогнула. Захлопнула коробку, сунула ее в карман и бросилась обратно к доильному сараю, спотыкаясь на неровной земле. Сердце стучало в ушах.

– Нелл! Коровы все по уши в навозе, нам нужно больше теплой воды. Набери из колодца и поставь на плиту! – Альфи стоял у противоположного конца сарая с ведром на изготовку. Лицо отца было красным от возмущения. Когда Нелл приблизилась, он сунул ей ведро в руку и покачал головой.

– Бобби, ты знаешь кого-нибудь по имени Белла? – задыхаясь, спросила она, пробегая мимо брата.

– Нет, – ответил тот, не поднимая головы и продолжая заниматься своим делом.

– Нелл! Марш! – крикнул отец.

Бобби сделал фельдфебельское лицо и изобразил в сторону отца щелканье каблуками, вытянувшись во фрунт. Нелл заткнула себе рот шарфом, чтобы не захихикать. Пока она шла мимо дома к колодцу, ее воображение разыгралось – Нелл пыталась представить, кем была эта Белла, которой принадлежала коробка. Дотянувшись до ворота, она прицепила ведро и стала опускать его в ледяную воду. Радость захлестнула ее, когда другой рукой, в перчатке, она залезла в карман и обхватила потрепанную коробку. Нелл чувствовала себя так, словно нашла секретный ключ к миру, который ей еще предстояло открыть.

Глава четвертая

Белла

Понедельник, 15 января 1945 года

– Ваши билеты, пожалуйста… Билеты, мэм!

Белла вздрогнула и очнулась. Поезд грохотал по рельсам. Она не могла поверить, что уснула, несмотря на колющую боль в животе, которая началась, когда она пробралась в вагон в Портсмуте. Стоило ей пошевелиться, чтобы ответить кондуктору, как ее захлестнула новая волна боли, перехватило дыхание. Белла снова закрыла глаза, молясь, чтобы это прошло, но мужчина наклонился ближе, запах его несвежего тела просачивался сквозь засаленную униформу. Жгучая боль усиливалась.

– Ну? Поторопитесь, девушка! – рявкнул кондуктор. Капля пота скатилась по его лбу.

Белла огляделась по сторонам. Затуманенный сном мозг лихорадочно пытался найти выход, кого-то, кто мог бы ей помочь. Попасть в поезд незамеченной оказалось довольно легко: платформа в Портсмуте была переполнена ранеными военнослужащими, возвращавшимися домой из Франции. Стоя среди них, Белла вспомнила, как зимой 1939 года провожала Илая на вокзале, окруженная толпой взволнованных молодых людей, отправляющихся на приключения в чужие страны. Их возлюбленные размахивали государственными флагами, и никто не предполагал, что впереди их ждет сущий ад, о котором Илай позднее писал с передовой. Теперь же они стояли неподвижно и молча, с бледной кожей, темными кругами под глазами, и смотрели в одну точку перед собой. Некоторые были на костылях, с ампутированными конечностями; кто-то с руками на перевязи, а пара слепых держались за шлейки собак-поводырей. Белле удалось слиться с толпой при посадке в поезд, а затем она спряталась в уголке за молодым человеком, напомнившим ей Илая – такой же высокий и светловолосый. Если бы она завела с ним разговор, запоздало подумала Белла, то не уснула бы и могла бы перебегать по вагонам, но усталость и убаюкивающее покачивание сделали свое черное дело.

– Секунду, пожалуйста, – произнесла она, когда боль отступила и позволила ей повернуться к потертой брезентовой сумке, где лежало все ее имущество: шерстяной шарф, связанный матерью; фотография ее мальчика, Альфи; тонкое одеяло, которое она прихватила со своей кровати в доме богатого коммерсанта, где работала прислугой; и маленькая коробочка, где лежало обручальное кольцо с изумрудом, которое подарил ей Илай Хилтон в последний вечер перед отъездом на войну. Тогда Белла еще не догадывалась, что носит под сердцем Альфи. А в самом низу – ее пустой кошелек и срочная телеграмма от матери с указанием немедленно возвращаться домой за сыном, которую экономка хозяина со злорадной усмешкой вручила ей на неделю позже, чем следовало –

Белла с ужасом взглянула на дату. Неужели Альфи прятался все это время? Эта мысль продолжала терзать ее, пока поезд с болезненно-медленной скоростью трясся по рельсам. Каждая секунда казалась часом.

Белла сильно беспокоилась об Альфи еще до получения телеграммы – с тех пор, как увидела заголовки газет, оставленных почтальоном на пороге викторианского таунхауса, в котором работала. Черно-белая фотография ее любимой матери была под заголовком на первой полосе: «Повитухе грозит пожизненное заключение за непреднамеренное убийство». Она сразу попросила отпуск на один день, понимая, что в отсутствие там ее матери и пока Илай на фронте, опекунство над Альфи передадут родственникам его отца, которые будут рады сплавить мальчика куда подальше. Однако на просьбу об отпуске и авансе в счет жалованья миссис Блэквуд, экономка, ответила отказом, и в ту ночь Белла лежала без сна, с ужасом думая, что же станет с ее мальчиком. Но без денег и без возможностей добраться домой ей не оставалось иного выбора, кроме как ждать еще неделю до зарплаты. Это были мучительные семь дней, пока Белла думала, что Альфи могут отправить куда-то, где она его не найдет. Но ничто не могло сравниться с шоком от телеграммы, когда она осознала, что эти семь дней сын провел в ужасе, холоде и одиночестве, сидя в тайнике в Доме викария.

Белла продолжала делать вид, будто ищет билет на поезд, которого у нее никогда не было, руки ее дрожали. В переполненном вагоне было душно и жарко, и она ощутила тошноту и головокружение, повернувшись к кондуктору, который стоял с раздраженным красным лицом, пока маленький ребенок, сидевший напротив, теребил его за китель.

– Извините, я не могу найти его, – произнесла она. – У меня он точно был! Наверное, я выронила его, когда заснула. – Белла посмотрела на пол у себя под ногами.

– Это правонарушение – садиться в поезд без билета! Собирайте свои вещи, мы высадим вас на следующей остановке, – деловито сообщил кондуктор.

Внезапно ее пронзил новый приступ боли, острее предыдущего. Слезы защипали глаза Беллы. Она провела бессонную ночь, думая только об Альфи и забыв о своем животе, который начал уже увеличиваться из-за беременности, длившейся, судя по всему, почти три месяца.

Белла встала на рассвете, взяла немного хлеба из кладовой, пока кухарка стояла к ней спиной, а затем пешком отправилась на станцию, которая располагалась в часе ходьбы. Боли начались, когда она шла вдоль оживленной трассы. Белла старалась не обращать на них внимание, когда пробиралась в вагон. Но они постепенно усиливались, пока поезд медленно полз вперед. Она понимала, что это означает, – выкидыш. Все, что Белла могла сделать, – продолжать двигаться к цели и надеяться, что доберется до Дома викария прежде, чем у нее откроется кровотечение. Она пыталась не думать об ужасе, который испытывает Альфи, ее прекрасный мальчик, сидя один в темноте, и пыталась сосредоточиться на том, что ей необходимо предпринять, чтобы поскорее вернуться за ним.

– Пожалуйста, не высаживайте меня, сэр, прошу вас! – взмолилась Белла. – Дом моей матери находится в Кингстоне; пожалуйста, разрешите мне выйти там! Я сделаю для вас все, что угодно! – Слезы щипали ей глаза, она чувствовала унижение от того, что приходится вот так просить.

– Не нужно устраивать сцен, мисс. Просто возьмите себя в руки, пока мне не пришло в голову вызвать полицию, чтобы они подождали вас на платформе.

Женщина, сидевшая напротив с ребенком на коленях, нахмурилась, когда Белла, стиснув зубы от очередной волны боли, заставила себя встать и направиться к дверям, возле которых на полу сидели двое солдат, играли в карты и курили.

– Где мы сейчас? – спросила она.

– Как раз подъезжаем к Фалмеру, – ответила женщина с двумя маленькими детьми, готовясь к выходу.

– Как вы думаете, сколько времени нужно, чтобы дойти от Фалмера до Кингстона?

– Пешком, что ли? – Женщина наморщила лоб. – Добрых две мили, и все через холмы, так что примерно часа два.

Белла вскрикнула, когда от очередной волны боли у нее перехватило дыхание.

Женщина посмотрела на нее, затем на своего ребенка, прильнувшего к ноге. Она и сама выглядела небогато – в слегка потрепанной одежде, поношенных туфлях. Женщина медленно сунула руку в карман пальто и вытащила шиллинг.

– Вот, – сказала она. – Возьми на автобус. Я тебя знаю, ты дочь Тессы Джеймс из Дома викария, верно?

Белла кивнула:

– Но я не могу взять у вас деньги.

– Она спасла жизнь моему мальчику, – тихо пояснила женщина. – То, что с ней случилось, ужасно. Она никогда не причинила бы вреда той женщине. Тесса – ангел. – Поезд уже подъезжал к станции. – Тебе нужен автобус номер шестнадцать, остановка прямо около выхода. Удачи!

– Проваливай, дрянь! – выкрикнул кондуктор, словно Белла была бродячей собакой. Поезд со скрежетом остановился, и она сошла на дрожащих ногах на ледяную мрачную платформу. – И больше не попадайся мне на глаза, иначе сдам тебя легавым! – добавил он, прежде чем захлопнуть за ней дверь.

Пока шестнадцатый автобус ехал по проселочным дорогам в сторону Кингстона, Белле снова удалось немного вздремнуть, и боль на время утихла. Ее мысли вернулись к событиям прошлого года, когда она в последний раз видела свою мать и Альфи. С деньгами дома было туго, женщины, у которых Тесса принимала роды, как правило, были бедны, и она редко брала с них плату. От отчаяния Белла откликнулась на объявление в портсмутской газете о найме судомойки, чтобы хоть как-то помочь, пока мать присматривает за Альфи. Это временно, просто до тех пор, пока Илай не вернется с войны, твердила она себе. Тогда они поженятся и станут настоящей семьей.

Белла проплакала всю дорогу в поезде до Портсмута, но сумела успокоиться и усердно принялась за работу, вживаясь в свою роль и даже позволяя себе верить слухам, распространившимся с прошлой недели, будто война скоро закончится. Илай приедет домой, и они наконец-то смогут стать семьей.

А потом наступило то утро, когда она увидела статью об аресте матери в газете, лежавшей на крыльце, которое ей велели подмести. Белла подняла ее дрожащими руками и прочитала, не веря своим глазам:

«Повитухе из Льюиса сегодня предъявлено обвинение в убийстве по неосторожности во время приема родов, которые закончились трагической смертью матери и ребенка. Эвелин Хилтон, сорока двух лет, из Кингстона-близ-Льюиса, рожала своего третьего ребенка, долгожданную девочку, когда случилась трагедия. Повитуха Тесса Джеймс не замечала тревожных признаков неправильного предлежания плода, пока не стало слишком поздно. Поскольку время было упущено, она не позвонила семейному врачу миссис Хилтон, доктору Дженкинсу, а вместо этого сама попыталась произвести сечение родовых путей, чтобы вытащить ребенка, что привело к большой потере крови и гибели младенца. Главный констебль Пейн из полиции Льюиса сказал сегодня вечером: “В связи со смертью Эвелин Хилтон нами арестована сорокашестилетняя женщина. Слушание состоится завтра во второй половине дня в Королевском суде Льюиса. Приносим глубочайшие соболезнования супругу Эвелин Хилтон и ее маленькому сыну Ричарду, которые сегодня вечером ищут утешения в кругу родных”.

Наши корреспонденты встретились с доктором Дженкинсом в его приемном кабинете в Льюисе. “Я не могу комментировать дело Тессы Джеймс, но замечу, что проблемы, которые оно вытащило на свет, чрезвычайно тревожны и, к сожалению, не новы. С моей точки зрения, деятельность частных акушерок должна регулироваться гораздо более строго. Закон о родовспоможении от 1902 года четко определяет, что повитухи могут сопровождать лишь нормальные роды. Они обязаны передавать заботу о роженице врачам во всех сложных случаях, и им запрещено использовать такие инструменты, как щипцы, владению которыми они не обучены, с медицинской точки зрения. То, что произошло с миссис Эвелин Хилтон, безусловно, трагично, однако положительная сторона, если в данном случае вообще можно так говорить, заключается в том, что в будущем, вероятно, примут меры по обеспечению более строгого контроля”».

Как только экономка отдала ей телеграмму, Белла сразу приняла решение. У нее не было иного выбора, кроме как, минуя миссис Блэквуд, напрямую обратиться к хозяину. Она прошагала через весь дом на другую сторону и постучала в его

дверь, взглянув на себя в зеркало, прежде чем войти. Ее лицо опухло от слез, под голубыми глазами залегли темные круги. Длинные черные волосы, собранные сзади в пучок, подчеркивали бледность кожи. Увидев себя в зеркале, Белла представила такие же пронзительные голубые глаза Альфи, глядящие на нее из темноты тайника, и попыталась почерпнуть из них силу.

– А, Белла, – произнес мистер Коллинз, когда она вошла. Он приблизился к ней, нетвердо держась на ногах, от его дыхания исходил запах виски, когда он прижался почти вплотную, запирая за ней дверь. – Чем могу помочь? Надеюсь, миссис Блэквуд не ждет, что я буду разбираться с какими-либо проблемами персонала? Я не в настроении.

Белла вежливо улыбнулась, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота – хозяин стоял и лыбился на нее так долго, что Белла сумела разглядеть застрявший в его зубах кусок шпината. Несмотря на то что этот желтый оскал вызывал у нее отвращение, она не могла отвести взгляд.

– Извините, что беспокою вас, сэр, но, понимаете, мой сын живет дома в Кингстоне с моей матерью. Ее на днях арестовали, и мне нужно ненадолго съездить домой, чтобы подыскать для ребенка другое место проживания.

Белла опустила голову, догадываясь, что произойдет дальше. Слезинка выкатилась из глаза и упала на ее туфлю. Белла видела свой уже слегка выпирающий живот. Понимал ли хозяин, что? с ней сделал? Знал ли, что она носит его ребенка? Когда беременность станет очевидной, вышвырнет ли он ее на улицу, как других до нее?

– Итак, ты хочешь, чтобы мы придержали для тебя место? Это серьезная просьба. Но, полагаю, мы сможем прийти к определенному соглашению…

Беллу охватила паника, когда хозяин расстегнул «молнию» на брюках, а затем схватил ее руку и засунул к себе в трусы. Она едва не падала в обморок от его вонючего дыхания. Белла закрыла глаза, умоляя его прекратить, но, похоже, хозяина это только сильнее возбуждало. Он застонал ей в ухо. Она тихо плакала, пытаясь вырваться, но он дал ей шлепка, перегнул через стол и придавил сзади всем весом, больно вжимая животом в кромку столешницы. Белла смотрела, как горит огонь в камине, пока хозяин не издал глубокий удовлетворенный рык. Вскоре он уже развалился в кресле, налил себе еще виски и, прихлебывая, молча

разглядывал Беллу.

– Могу я уехать утром, сэр? – спросила она, сдерживая тошноту и поправляя свою униформу.

Хозяин выдержал долгую паузу, прежде чем ответить:

– У тебя есть два дня, но ты должна быть здесь к полуночи среды, иначе можешь вообще не утруждать себя возвращением. – Он взглянул на нее так, словно хлебнул уксуса: – А ты не считаешь нужным поблагодарить меня? Не многие работодатели так снисходительны, как я.

– Спасибо, мистер Коллинз, – тихо произнесла она, прежде чем вернуться по холодному коридору и подняться по лестнице в свою спальню, где рухнула на кровать лицом в подушку, чтобы приглушить плач. Именно тогда Белла почувствовала первый спазм и, проведя пальцами по ноге, увидела небольшой след крови.

– Кингстон, конечная! – объявил водитель, выключив двигатель и глядя в хвост автобуса, где сидела Белла.

Она встала и посмотрела в окно. Дальше по переулку, ярдах в двадцати, находилась калитка, за которой тянулась тропинка к ее любимому дому. Белла поблагодарила водителя, вышла в запорошенный снегом переулок и на дрожащих ногах направилась к калитке. Подняв щеколду, она открыла ее и зашаркала по заснеженной тропинке к передней двери темного, холодного коттеджа.

Белла вставила ключ в замок и повернула, так живо представив мать, встречающую ее в дверях, с полевыми цветами в руках, что ей показалось, будто она прошла мимо нее, переступив порог. Она осторожно закрыла за собой дверь.

– Альфи! – позвала Белла. Дыхание перехватило, сердце колотилось от страха.

Ответа не последовало, и в этот момент ее накрыла новая волна боли. Ноги подкосились от горя, когда Белла не услышала голоса сына. Она подвела своего

мальчика, сильно опоздав, и он потерял надежду, что мать появится. Он вылез из укрытия, и его увел Уилфред Хилтон. Теперь она никогда не сможет найти сына.

– Альфи! – снова крикнула Белла. По лицу текли слезы. В их семейном гнезде, обычно наполненном теплом и счастьем, царила мертвая тишина, пока Белла печально осматривала помещение в поисках каких-либо признаков жизни.

Когда боли снова усилились, она закуталась в одеяло, которое мать оставила возле очага, и свернулась в комочек, впившись ногтями в руку и стиснув зубы. Пока Белла лежала на холодном каменном полу, боль стала настолько острой, что она даже не могла встать. Беременность длилась месяца три, но схватки были такими же сильными, как при рождении Альфи – в этой же самой комнате. Только тогда мать держала ее за руку, горел камин, на подоконниках стояли цветы, под головой была подушка. Сейчас Белла лежала в одиночестве и плакала. Боли стали невыносимыми, и тут она почувствовала, как между ног хлынул поток крови, залив одеяло.

Мгновение Белла лежала неподвижно, чувствуя облегчение оттого, что худшее наконец-то позади, ее учащенное дыхание стало успокаиваться. От долгого лежания в луже крови, показавшимся ей вечностью, Белла замерзла и заставила себя встать. Ослабев от перенесенных мучений, она медленно отнесла окровавленные одеяла в ведро у задней двери.

– Мама? – Голос был тихим, но определенно принадлежал Альфи.

Белла резко развернулась, впившись взглядом в деревянные ступени перед собой. Чувствуя, что в любой момент может потерять сознание, она заставила себя подняться по лестнице до площадки, где наклонилась и попыталась сдвинуть крышку тайника. Та была заперта.

Белла перевела дыхание и крепко закусила губу, чтобы не упасть в обморок. Ее мальчик все еще находился там, она боялась представить, в каком он состоянии. Белла постучала по крышке кулаком:

– Альфи, дорогой, ты там? – спросила она, стараясь не поддаваться панике. – Дорогой, это мама. Пожалуйста, открой, ты меня пугаешь. Я одна, тут больше никого нет! Прошу, открой!

Белла заозиралась в поисках какого-нибудь предмета, которым можно было бы поддеть крышку. Ее взгляд упал на кочергу. Когда она с трудом разогнула свое измученное тело, чтобы спуститься за ней обратно по лестнице, в тишине дома раздался громкий щелчок. Крышка начала открываться – медленно, со скрипом.

Белла обернулась. Из кромешной тьмы потайной комнатки на нее смотрели яркие, улыбающиеся голубые глаза.

Глава пятая

Ванесса

Канун Нового 1970 года

Ванесса Хилтон стояла у окна своей спальни в Тисовом поместье, наблюдая, как муж развешивает гирлянды на деревьях вдоль подъездной дорожки. Огоньки вспыхивали и тут же снова гасли в темноте, его раздраженные указания сыну, который пытался помочь, эхом разносились по поместью.

Ванесса взглянула на часы. До прибытия гостей оставался еще целый час, но она уже чувствовала себя измученной. Несколько недель у нее голова шла кругом от предстоящей вечеринки – приходилось вникать в каждую деталь, и создалось впечатление, что они готовятся к этому событию уже лет десять. Но несмотря на их попытки предусмотреть все, этот день угрожал превратиться в катастрофу – с того момента, как они встали, не выспавшись, и до сих пор. Метель бушевала вокруг дома всю ночь, не давая собакам уснуть, и те лаяли до самого утра. Когда наконец наступило утро, хозяева чувствовали себя совершенно разбитыми. Кроме того, все снаружи было завалено снегом, делая дорогу до них почти непроходимой, пока Ричард не поручил Питеру, садовнику, организовать доставку тонны опилок, чтобы впитать осадки. После этого муж обратил внимание, что фонарики, установленные на деревьях прошлым вечером, снесены или разбиты. Несколько раз в течение дня Ванесса испытывала искушение все отменить. Казалось, мать-природа делала все, чтобы отговорить ее от мероприятия, которое было главной целью и навязчивой идеей долгие месяцы.

Бах!

Стрельба не прекращалась целый день, и от каждого выстрела Ванесса вздрагивала. Альфи и Бобби начали забивать свое стадо сразу после завтрака. У некоторых коров был диагностирован туберкулез, а остальных приходилось уничтожить в качестве меры предосторожности. Да еще это случилось в тот самый момент, когда велась продажа земли под застройку вокруг Дома викария и Ричард вручил им уведомление о выселении.

Бах, бах!

За выстрелами она едва расслышала слабый стук в дверь спальни.

– Миссис Хилтон! – Ванесса обернулась и увидела официантку в переднике. – Извините, что беспокою, но нам нужно знать, когда доставят шампанское.

– Вы о чем? Его доставили несколько часов назад. Я сама встретила водителя. Оно должно быть на льду в подвале. – Ванесса приблизилась к взволнованной девушке.

– Простите, мадам, но, когда мы за ним спустились, там его не было. Мы искали мистера Хилтона, чтобы спросить у него.

Ванесса бросила взгляд на длинное красное платье в пол, ожидающее ее в гардеробе, и плотнее завязала пояс халата вокруг талии.

– Что ж, значит, нам всем придется пить теплое шампанское, раз оно все еще где-то лежит в коробках. Почему никто не сообщил мне об этом раньше?

Официантка поспешила вслед за ней к верхней площадке лестницы, откуда навстречу им шла няня детей с красными туфельками Элис в руках.

– Дороти, а где Элис? Мне нужно решить проблему с шампанским, а она уже должна быть одета.

– Элис в гостевой спальне, миссис Хилтон, – я разложила их праздничные наряды там. Она скоро будет готова.

Ванесса отметила, как устало выглядит няня. Темные волосы Дороти были собраны сзади в хвост, и на ней до сих пор был фартук со следами муки от выпечки, которой она занималась с детьми весь день, чтобы как-то отвлечь их. Несмотря на ее старания выглядеть бодро, было ясно, что с бедной женщины достаточно. Предстоящая вечеринка уже вымотала всех, и теперь Ванесса не могла дождаться, когда она закончится.

Она взглянула на себя в зеркало на площадке и поправила одну из папильоток. Она была уже при полном макияже, с накладными ресницами, блестящий кроваво-красный лак на ногтях отражал огоньки огромной рождественской елки, стоявшей в холле внизу.

– А, вы уже здесь, мисс Элис. Может, пора вас одеть в ваше красивое красное платье? – произнесла Дороти, улыбаясь девочке, показавшейся позади матери. По слегка опухшим, покрасневшим векам Элис было видно, что она плакала.

Элис пожала плечами, отчего лямка ее комбинезона упала с плеча.

– Я ненавижу платья! – буркнула она, в отчаянии глядя на мать.

– Элис, у меня сейчас нет времени пререкаться с тобой. Ты можешь хотя бы раз просто сделать то, что тебе говорят? – Ванесса направилась к широкой парадной лестнице.

– Я нигде не могу найти Снежка, я боюсь, что он сбежал! – захныкала Элис, имея в виду своего трехнедельного щенка, который привык к холоду и всегда убегал на улицу, потому что родился в сарае при Доме викария в разгар зимы.

– Давай ты наденешь платье, и мы соберемся все вместе у мамочки в комнате. – Попытки Ванессы скрыть раздражение не увенчались успехом.

– У меня живот болит! – Элис обхватила живот руками и уселась на пол лестничной площадки.

– Элис, пожалуйста! Ты просто съела слишком много печенья, которое пекла с Дороти сегодня днем. А Снежок скорее всего в кухне, ждет, когда перепадет что-нибудь вкусное. – Ванесса повернулась к няне. – Дороти, извините, вы случайно не знаете, где шампанское? Мы целый год планировали эту вечеринку, никак не могу поверить, что все пошло кувырком из-за этой проклятой бури.

Официантка, все еще ожидающая указаний, залилась краской, сцепив руки перед собой.

– Я слышала, как мистер Хилтон просил Питера оставить его снаружи возле задней двери, потому что там достаточно холодно, – ответила Дороти.

Ванесса раздраженно покачала головой:

– Было бы хорошо, если бы он еще сообщил об этом приглашенному персоналу. – Она повернулась к официантке: – Не могли бы вы пойти и проверить, стоит ли шампанское у задней двери. И проследите, чтобы его как можно скорее поставили на лед. Гости появятся здесь через полчаса.

Официантка скрылась из виду.

– Миссис Хилтон, – спросила Дороти, – вы не возражаете, если я уйду сразу после семи?

Ванесса посмотрела на часы: было уже без пяти семь. Ей не хотелось отпускать Дороти прямо сейчас. Лео все еще был снаружи на подъездной дорожке, и ему предстояло переодеться, а Элис погрузилась в очередную из своих обид.

– Не могли бы вы подождать несколько минут, чтобы помочь Лео одеться? Так много нужно организовать, а я слегка с этим затянула.

– А почему Дороти не может остаться на праздник? – спросила Элис, пытливо взглянув на мать.

Ванесса с Дороти обменялись взглядами, которые были красноречивее тысячи слов.

– Дороти устала присматривать за тобой целый день. Она не хочет оставаться на нашу дурацкую вечеринку. – Как только эти слова слетели с ее губ, Ванесса почувствовала неловкость оттого, что ей даже не пришло в голову пригласить Дороти. А теперь было слишком поздно – няне нечего надеть, она поймет, что это запоздалая идея со стороны Ванессы, и ей тоже будет не по себе.

– Вечеринка для знатных гостей вашей мамы, – сказала Дороти не совсем то, что могло бы выручить Ванессу.

– Но вы единственная, кто действительно заботится о нас. Остальные лишь притворяются.

– Элис, не груби. Если вы сможете задержаться ненадолго, Дороти, я сейчас пришлю Лео. Извините за такую просьбу, – произнесла Ванесса и ушла, не дожидаясь ответа Дороти.

Внизу, в холле, Ванесса натянула резиновые сапоги прямо на чулки и накинула лисью шубу поверх шелкового халата. Она бросила последний взгляд на свою непослушную дочь, которая стояла наверху лестницы, скрестив руки на груди, с растрепанными светлыми кудрями, падающими на глаза, и крикнула:

– Элис, я вернусь через пять минут! Надеюсь, ты будешь уже одета и готова к празднику!

– Не волнуйтесь, миссис Хилтон, я помогу ей. Мы мигом будем готовы, верно? – Дороти нежно улыбнулась девочке, но зеленые глаза Элис вновь наполнились горькими слезами.

– Спасибо, Дороти! – ответила Ванесса, чувствуя себя виноватой, и выскочила в холодный декабрьский воздух.

Она знала, что, как только Дороти с ее дочерью окажутся наедине друг с другом, Элис потащит бедную няню на улицу, искать щенка в снегу. Это была ошибка – позволить дочери взять животное; от щенков всегда беспорядок, а эта собака обмочила их новый ковер, постеленный специально перед вечеринкой.

Ванесса вспомнила, сколько времени и сил заняла подготовка: смонтирован зеркальный подвесной потолок, чтобы в нем отражалась рождественская елка, привезенная из Лондона; парадная лестница украшена ветвями остролиста и сотней красных бархатных бантов ручной работы; в холле установлен рояль для пианиста, который будет играть рождественские гимны. Продажа сельскохозяйственных земель вокруг Дома викария дала Ричарду столь сильно необходимую ему сумму денег, чтобы сохранить на плаву их собственную ферму и отремонтировать дом. За годы, миновавшие с тех пор, как скончался отец Ричарда, Уилфред Хилтон, стало очевидно, что он держал в тайне от родных огромное количество катастрофических деловых решений. Уилфред был человеком с дорогими привычками – в отношении лошадей, автомобилей и женщин – и весьма слабыми понятиями о трудовой этике. Он унаследовал поместье от своего отца, однако не интересовался ни фермой, ни ее будущим, и к тому времени, как умер, растратил бо?льшую часть состояния Хилтонов, оставив после себя лишь безнадежные долги и разбитые сердца, в том числе сердце своего единственного сына Ричарда, которым часто пренебрегал. От этого его последнее письмо, написанное на смертном одре, читалось еще более болезненно.

Ноябрь 1959 года

Дорогой Ричард!

Мы нечасто разговаривали по душам, и то, что мы отдалились друг от друга, остается одной из моих величайших печалей, наряду с тем, что я отказывался признавать ребенка твоего брата Илая, Альфи Джеймса. Хочу, чтобы ты знал, – я глубоко сожалею, что мало занимался тобой, когда умерла твоя мать, хотя тебе было всего шесть лет. Когда твоя мама скончалась при таких ужасных обстоятельствах, я стремился кого-то обвинить в ее смерти, как и в смерти Илая. Но по мере того, как жизнь продолжалась и мое горе притуплялось, я стал смотреть на уход Эвелин несколько иначе. И начал сожалеть о том, как обошелся с Тессой Джеймс. Долгие годы я терзал себя вопросом – что же стало с Альфи, и, когда он вернулся к нам, воспринял это как послание от господа – шанс исправить свои ошибки. Я знаю, что оставляю вам долги, но хочу поставить вас в известность – я разговаривал с семейным адвокатом и сообщил ему, что

после моей смерти Дом викария отойдет к Альфи Джеймсу и тот может распоряжаться им как сочтет нужным. Долгие годы я предпочитал игнорировать права Альфи по рождению, однако теперь понимаю, что поступал скверно. У нас достаточно имущества; нам не нужна еще одна ферма, тогда как для него ферма значит очень много. К тому же это весьма малая компенсация того, на что он имел бы право, если бы Илай не погиб на войне. Белла и Илай были помолвлены, когда он уехал, и после его гибели она вернула изумрудное кольцо, подаренное Илаем и принадлежавшее ранее моей бабушке. Это доказывает силу характера, которой обладают немногие, ведь если бы Белла продала кольцо, это спасло бы ее от нищеты, в итоге ее и сгубившей.

Надеюсь, ты согласен с этим решением. Я считаю Альфи Джеймса любезным и трудолюбивым молодым человеком и думаю, что вы уживетесь рядом друг с другом.

С любовью и уважением,

твой отец Уилфред

Ванесса успела прочитать это письмо перед тем, как Ричард бросил его в огонь, из-за чего они так сильно поругались, что разбудили Лео. Семья Джеймс слишком долго была проклятием их жизни, кричал Ричард, и он хотел бы, чтобы Альфи вовсе не рождался на свет. Когда Ричард вихрем вылетел из комнаты, явился Лео, обрушив на мать кучу вопросов насчет Бобби и Альфи Джеймс, от которых ей кое-как удалось отвертеться.

Разумеется, Ванесса знала истинную причину ярости Ричарда – привязанность Уилфреда к Альфи, которую было трудно не заметить. Всю жизнь Уилфред пренебрегал собственным сыном, поручив его заботам бесчисленных нянек и гувернеров, пока сам занимался фермой. Альфи, напротив, был страстно любим своими матерью и бабушкой. Он был крепко скроен из сурового материала, и в работном доме его определили на ферму, где благодаря неустанному труду Альфи научился своему ремеслу. И к тому времени, когда в возрасте шестнадцати лет Альфи появился у их дверей, он мог вести хозяйство практически в одиночку.

Ричард ненавидел отца за то, что тот предпочел другого мальчика собственному сыну; и теперь, с грустью отмечала Ванесса, история повторялась – боль в глазах сына была очевидна, когда ее муж открыто восхищался Бобби Джеймсом, но не высказывал ничего, кроме критики, в адрес бедного Лео.

– Куда опять запропастился этот мальчишка, черт побери?! – услышала она крики мужа с дальнего конца подъездной дорожки.

– Что случилось, Ричард? – спросила Ванесса, поспешив подойти.

– Этот парень бесполезен, полный неумеха. Он где-то в собственном мире, бродит вокруг, будто засунул голову себе в задницу. – Ричард раскраснелся, то ли от холода, то ли от гнева.

– Я уверена, он изо всех сил старается помочь, – произнесла Ванесса. – Он тут с тобой уже несколько часов.

– Да я быстрее справился бы один! – усмехнулся Ричард.

Целый день Лео пытался помочь отцу с иллюминацией подъездной дорожки, и Ванесса, наблюдавшая за ним в окно, всякий раз вздрагивала, глядя, как у сына все валится из рук и он бестолково мечется. Дважды Ричард просил ее позвать Бобби на помощь, но именно в этот день тот был занят. Они с Альфи забивали свое стадо, эхо выстрелов служило постоянным напоминанием о несчастьях этой семьи, и помогать Ричарду развешивать праздничные огни сегодня явно не стало бы для Бобби развлечением.

– Ну, наконец-то изволил появиться! – крикнул Ричард, когда сын появился со стороны дома.

– Прости, папа, я их там не нашел, – тихо сказал Лео.

– Что? Чем же ты занимался все это время? Ладно, я пойду и принесу их сам, мне ведь больше делать-то нечего!

Лео покраснел:

– Прости, я везде смотрел.

– Давайте я схожу, Ричард, – предложил Питер с верхней ступени лестницы-стремянки. – Вам нужны синие предохранители, верно?

Ванесса посмотрела на сына. Лео опустил голову, прикусив губу. Увы, он не рос практичным мальчиком. Лео ненавидел фермерскую жизнь и не имел к ней природной склонности, становясь усталым, холодным и раздражительным за короткое время работы. Он был высок и строен, однако не слишком силен физически, и больше любил посидеть с книгой в доме, возле теплой плиты, спрятавшись от посторонних взглядов за своей длинной светлой челкой.

Бобби Джеймс, сын Альфи, напротив, казался неутомимым и часто работал на тракторе до глубокой ночи, лишь изредка прерываясь, чтобы поесть или попить. Ричард часто оживленно болтал с Бобби, и когда мальчик завершал работу, порученную собственным отцом, Ричард порой просил помочь ему в поле со сломанной изгородью или новорожденным теленком.

Ванесса уже начала замерзать, когда фонарики наконец вспыхнули, на мгновение осветив дорожку перед ней, прежде чем снова погаснуть.

– Проклятая штуковина! Снова замкнуло! – возмутился Ричард. Он яростно таращился на непокорную гирлянду в своей руке, опасно балансируя на вершине стремянки. Ростом шесть футов три дюйма, с оливковой кожей, кареглазый и светловолосый, он весил на несколько стоунов больше, чем тот долговязый девятнадцатилетний юноша, который когда-то сделал Ванессе предложение возле Тисового озера, но все равно был, бесспорно, красив.

– Ричард, дорогой! – Ванесса посмотрела на мужа снизу вверх. – Может, Питер сам все закончит с огнями? Тебе пора готовиться к приему гостей.

Теперь, когда снежная буря унеслась прочь, землю окутала жутковатая тишина. Метель словно задержала дыхание на вдохе, но еще не выдохнула. Ванесса слышала, что озеро замерзло и надвигаются обильные осадки. Она понятия не имела, сработают ли фейерверки, но следующей задачей бедняги Питера было разложить их на мостках, подготовив к полуночи.

– Мы почти доделали. Еще пару минут, – произнес Ричард, не отрывая глаз от своего занятия.

Ванесса повернулась к дому и увидела другого официанта, спешащего к ней вслед за Дороти, одетой в пальто.

– Дороти, хорошо, что вы здесь. Можете отвести Лео в дом и убедиться, что он переоделся?

– Я не желаю, чтобы она меня одевала. Я не ребенок! – заявил сын.

– Я этого и не говорю, Лео, я просто хочу быть уверена, что ты будешь готов к появлению гостей примерно через четверть часа.

– Извините, миссис Хилтон, но мне действительно пора идти, моя сестра сейчас должна уже приехать к нам домой. Элис одета, а костюм Лео лежит на его кровати. Надеюсь, у вас получится чудесная вечеринка.

– Я была бы очень признательна, если бы вы остались еще ненадолго, Дороти, – произнесла Ванесса, пытаясь скрыть свое внезапное раздражение.

Эта женщина провела с ними целый день, но Ванесса ругала себя за то, что не договорилась с ней о работе на вечер. Ей понадобится кто-то, чтобы уложить Элис в постель и проследить, чтобы Лео не пил ни глотка шампанского. Ванесса предполагала, что Элис просто будет рядом с ней весь вечер, но метель и последовавшая за ней суматоха положили конец надеждам, что все пройдет гладко. – Я с радостью заплачу вам сверхурочные.

– Она вряд ли подходяще одета для вечеринки, мам, и уж точно не влезет ни в одно из твоих вечерних платьев, – хихикнул сын.

– Лео! – возмущенно воскликнула Ванесса, кинув на него свирепый взгляд.

Дороти и Лео никогда не ладили, поскольку Лео хотел, чтобы о нем заботилась мать, а не няня, и не пытался скрывать это. Но в последнее время его поведение по отношению к Дороти изменилось, становясь совсем дерзким.

– Прошу прощения, Дороти. Я поговорю с сыном насчет его поведения. Пожалуйста, останьтесь! – произнесла Ванесса умоляющим тоном.

– К сожалению, не могу, миссис Хилтон. – Дороти поджала губы. – Я и так на ногах с девяти часов утра, мне пора вывести собаку и приготовить ужин для Питера и своей сестры, которая приедет в гости. Я была бы очень благодарна, если бы Ричард и Питера отпустил поскорее. Надеюсь, что вы получите удовольствие от праздника. Доброй ночи!

Ванесса на мгновение отвлеклась при виде Элис, которая в красном платье выбежала из парадной двери и пересекла заснеженную лужайку, направляясь к домику на дереве, устроенному в ветвях огромного дуба около въезда в поместье.

– Дороти, Элис вышла на улицу искать этого проклятого щенка. Она замерзнет! – Но няня уже спешила к калитке, и девочка буквально растворилась в темноте.

– Мистер Хилтон, извините, что беспокою, но, похоже, доставили только половину шампанского. – Официант слегка заикался, переминаясь с ноги на ногу на заснеженной земле.

– Помилосердствуйте! Вы уверены? – выкрикнул Ричард с верхней ступеньки лестницы.

– Да, сэр. Должно быть двадцать коробок, но их всего десять.

– Лео, найди Элис, отведи ее в дом и надень свой костюм! И я обязательно сообщу твоему отцу, как ты только что разговаривал с Дороти. Мне это совсем не нравится! – пригрозила Ванесса.

– Можно подумать, ему не наплевать, – огрызнулся Лео, сердито глянув на нее.

Ванесса посмотрела на сына. В двенадцать лет он был высоким для своего возраста и уже таким же красивым, как отец, однако во всем остальном они отличались так, как только могут отличаться два человека.

– Лео, посмотри, где Элис, и скажи ей, чтобы она немедленно шла в дом. Я переживаю, что она бегает по снегу в одном праздничном платье.

– Наверняка Элис в домике на дереве, ищет Снежка, – пробормотал он.

– Собака погибнет, если убежит далеко в такую погоду, – нахмурился Ричард, глядя на них сверху вниз.

– Только не говори этого дочери. Она и так уже расстроена из-за меня. Элис не хотела наряжаться ради вечеринки. Желает повсюду ходить в комбинезоне, – сказала Ванесса.

– Господи, ну и разрешила бы ей! У нас и без того хватает забот. Лео, бери велосипед, поезжай к Дому викария и передай Бобби, чтобы приехал мне помочь.

– Ему нельзя сейчас ехать туда на велосипеде! На дорогах опасно, а кроме того, сегодня мы не можем просить Бобби о помощи. Они уничтожают свое стадо. Почему бы Лео самому тебе не помочь?

– Потому что он все испортит. Я хочу, чтобы меня сменил Бобби – так я буду знать, что все выполнено как надо.

Ванесса покосилась на сына, который вздрогнул от таких слов отца.

– Давай попросим Питера остаться еще ненадолго? Мне кажется неправильным обращаться за этим к Бобби сегодня.

– Ванесса, а ты можешь не спорить со всем, что я предлагаю? Хотя бы на сей раз?

Лео внимательно посмотрел на нее, затем перевел взгляд на отца:

– Ладно, сейчас я сбегаю за велосипедом!

Когда он скрылся в темноте, Ванесса вздохнула:

– Придется мне самой пойти и найти Элис. Думаю, Лео прав: скорее всего она спряталась в домике на дереве.

– А тебе разве не пора одеваться, Ванесса? – спросил Ричард. – Хотя бы один из нас должен быть готов к приему гостей. Оставь Элис в покое ненадолго. Она вернется, когда ей станет холодно. Ты слишком много суетишься.

Ванесса посмотрела на мужа. Мрачное настроение Ричарда заставляло ее нервничать, и она понимала, что лучше не усугублять ситуацию, когда вот-вот прибудут две сотни гостей. Однако материнский инстинкт подсказывал ей, что нужно отвести Элис в дом.

– У вас есть фонарик, Питер? – спросила Ванесса. – Извините, я помню, что вам надо домой. Мне буквально на минуту.

Садовник кивнул, потянувшись к своему ящику с инструментами, вытащил фонарь и передал ей. Ванесса отправилась к началу подъездной дорожки, жидкая грязь хлюпала под ногами. Она поморщилась от мысли, на что теперь похожи блестящие красные туфли Элис.

Бах! Бах! Звуки выстрелов Альфи Джеймса эхом разнеслись в ночи. Ванесса вздрогнула, остановилась на полпути и обернулась, чтобы посмотреть на мужа, шагающего обратно к дому вместе с официантом.

– Это был трудный день! – крикнул ей Питер, поймав ее взгляд. – Не волнуйтесь, миссис Хилтон, в Доме викария скоро с этим покончат.

Ванесса кивнула, вновь разворачиваясь к дереву, подходя все ближе и ближе, и в глубине живота появилось чувство тревоги, когда она заметила, что из домика не пробивается свет.

Глава шестая

Ванесса

Четверг, 21 декабря 2017 года

Ванесса Хилтон стояла у окна своей спальни, наблюдая, как грузчики выносят из дома коробки, наполненные ее вещами. Она не понимала, что происходит. Наверное, Лео с Хелен затеяли малярные работы; они так давно не делали ремонт. Сдерживая слезы беспомощности, Ванесса посмотрела на озеро, пока мужчины внизу переругивались друг с другом. Воспоминания охватили ее, будто все произошло вчера.

Дом был так переполнен людьми, что Ванесса больше не чувствовала себя полноправной хозяйкой. Прибыли полицейские команды водолазов – они искали тело Элис в озере, но не нашли никаких ее следов. Это был самый очевидный сценарий – девочка забрела туда в поисках своего щенка; возможно, даже увидела, как он барахтается в воде и тонет. Вероятно, она кричала в ночи, звала на помощь, но дом дрожал от звуков рояля, был полон гостей и веселья – слишком много шума, чтобы услышать крики девочки.

Гостей пришло очень много, и Ванесса пренебрегла единственным человеком, за которым должна была присматривать. Она прокручивала все это в голове снова и снова, анализируя каждую деталь предновогоднего дня, вспоминая последние слова, сказанные ею дочери, и последние слова, которые Элис сказала ей. Кто последним ее видел – действительно ли Бобби Джеймс? Почему он никогда не признавался? Почти пятьдесят лет спустя Ванесса так и не приблизилась к разгадке, к тому, чтобы найти тело дочери или простить себя. Горе изменило свой облик, окутав собой всю ее жизнь – словно каменный плащ, который Ванесса носила каждый день. Элис будто присутствовала рядом. Она находилась в поле, на качелях и в своей спальне. Казалось, само Тисовое поместье стало ее дочерью, и Ванесса знала – ответ на то, что случилось с ее Элис, скрывается здесь.

– Ванесса! – услышала она голос Хелен, поднимавшейся по лестнице. – Вот вы где. Я не могла вас найти. – Невестка появилась в дверях, ее пальто было усыпано снежинками.

– Что все эти люди делают в доме? – спросила Ванесса. Хелен уставилась на нее широко раскрытыми глазами.

– Мы переезжаем, Ванесса, – мягко ответила она. – Продажа дома завершится завтра.

– Переезжаем? О чем ты говоришь? – Она видела, как Хелен напряглась и прикрыла глаза, пытаясь скрыть раздражение. Вероятно, они уже много раз обсуждали это раньше.

– Помните, мы решили, что так будет лучше для всех. Этот дом слишком велик, чтобы с ним справляться. Мы будем жить вместе, в доме во Франции, о котором вам рассказывал Лео.

– Но я не хочу ехать во Францию и продавать дом. Я не могу оставить Элис.

– Лео скоро придет, он просто поехал обсудить кое-что с Майком в офисе. Все это хорошо, Ванесса, поверьте.

– Хорошо для кого? – усмехнулась она.

– Мне очень жаль, но у нас нет выбора: бизнес не приносит достаточно денег, – поджала губы Хелен.

Ванесса хмуро взглянула на невестку. Мысли расплывались, но ей казалось, что Хелен стала еще более замкнутой, чем обычно, избегая оставаться с ней наедине. Она знала, что невестка не любит ее; это никогда не высказывалось вслух, но Хелен всегда была осторожна, не открываясь полностью и не давая понять, что у нее на уме. Брак с Лео являлся для нее выгодной сделкой. Ванесса была уверена, что знакомилась с родителями Хелен, но не могла представить их лица и вспомнить имена. Все, что она помнила, – это люди не из их круга. Ванесса считала, что Хелен недостаточно хороша для Лео. Невестке все это давалось слишком легко, а теперь, когда они решили продать дом и ей предстояло стать по-настоящему богатой, следовало бы проявить к свекрови немного уважения, доброты и сочувствия.

Внезапно Сиенна появилась в дверях, подбежала к бабушке, и Ванесса успокоилась. Пока она рядом со своей внучкой, все будет хорошо. Ванесса вспомнила, что у них много долгов, – Лео говорил ей об этом. Вероятно, она и дала согласие на продажу дома. Все это было словно в тумане, в котором порой проскакивала молния информации, шокирующая ей мозг очередным

воспоминанием.

– Привет, дорогая! – улыбнулась Ванесса. Присутствие внучки успокаивало ее. – Как дела в школе?

– Ничего хорошего! – заявила Сиенна, скрестив руки на груди.

– Боже, что случилось? – Ванесса прижала девочку к себе.

– Бен сидел рядом со мной за обедом.

– А кто такой Бен?

– Он мне всю жизнь сломал, он плохо ко мне относится! – воскликнула Сиенна, тяжело вздыхая.

– Ну, похоже, ты нравишься Бену, раз он сел рядом с тобой. Мальчики часто обижают девочек, которые им нравятся.

– Вроде как папа маму? – спросила девочка, глядя на бабушку снизу вверх.

Ванесса нахмурилась, взглянув на Хелен, а затем обняла внучку. Сиенна была так похожа на Лео – и на Элис, – однако по характеру скорее пошла в свою мать. Она держалась в сторонке, пока ее отец бушевал вокруг, совершая ошибки и допуская опрометчивые высказывания, и впитывала все это, будто делая заметки на будущее – как не следует поступать, когда она вырастет. Сиенне было всего семь лет, но она обычно задавала вопрос, ждала ответа, а потом сидела, прокручивая этот ответ в голове, пока не решала – принять его или нет. Девочка знала, где лежат потерянные вещи, спокойно передавая отцу ключи или бумажник, в то время как тот метался с красным лицом, потел и кричал. Когда она не играла на улице, то была очень тихим ребенком, любила сидеть с Ванессой и расспрашивать ее о приемах, которые раньше устраивались в доме, и о красивых платьях, которые та носила.

Ванесса понимала, что рано или поздно Сиенна захочет поговорить об Элис, спросит, что с ней случилось. Как она выглядела и была ли похожа на нее. Да, была, думала Ванесса, длинными светлыми волосами и зелеными глазами, хотя с

Сиенной было спокойнее и проще, чем с Элис. В Элис чувствовалось нечто такое, от чего казалось, будто она видит тебя насквозь, едва взглянув. Порой было довольно неприятно замечать, как она за тобой наблюдает.

– Итак, чем же мы займемся? Поиграем, а может, приготовим что-нибудь?

– Готовить сейчас не получится, нам лучше остаться здесь, чтобы не путаться ни у кого под ногами, – произнесла Хелен.

Ванесса внимательно посмотрела на нее:

– Когда мы покидаем поместье? – Она сжала руку внучки так сильно, что у той побелели пальцы.

– Завтра вылетаем. Мы не хотим присутствовать при сносе, – ответила Хелен.

– Мне все еще не верится, что завтра. Все произошло очень быстро. У меня такое чувство, что я не со всеми попрощалась как следует, – произнесла Сиенна, похоже, собираясь заплакать.

– Разве друзья не попрощались с тобой сегодня в школе?

– Да, они нарисовали открытку.

– Это замечательно, обязательно мне покажешь. С кем же ты не попрощалась? – Ванесса погладила внучку по волосам, когда та прижалась к ее боку.

– С Питером и Дороти, – тихо ответила она.

– С Дороти? – Ванесса покосилась на Хелен. – Я не знала, что ты знакома с Дороти, дорогая. Ты что же, видишься с ней?

Сиенна кивнула.

– Иногда, – еле слышно произнесла она.

– Понятно, – сказала Ванесса, заставив себя улыбнуться.

Внучка вскочила и подбежала к окну – уже сгущались сумерки.

– Бабуля, смотри, снег идет! Мы можем пойти поиграть на улице?

– А не слепить ли нам снеговика? – предложила Ванесса. Ее настроение улучшилось.

– Правда! – воскликнула Сиенна. – Я тогда возьму перчатки.

– Уже темнеет, Сиенна, по-моему, это не лучшая затея, – заявила Хелен, но без толку: Сиенна уже выскочила за дверь бабушкиной спальни и пробежала половину лестницы, когда мать кинулась следом.

Ванесса неспешно двинулась за ними. Она осторожно одолевала ступеньки, глядя вниз, как они ищут перчатки в холле. Когда она добралась до нижней ступени, один из грузчиков прошел мимо нее вверх по лестнице. Наверху он осмотрелся, затем направился через площадку к кабинету Лео, мельком оглянувшись на нее. Что-то в нем встревожило Ванессу – он отличался от остальных рабочих, суетливых и целеустремленных. Казалось, он заблудился.

– Идем, бабуля! – позвала Сиенна. Коробки с верхней одеждой в холле все еще стояли незапечатанными, и Ванесса вытащила оттуда для внучки красный пуховик.

– Почему ты иногда называешь меня Элис, бабушка? – спросила девочка, просовывая руки в рукава.

– Прости, я нечаянно. Вероятно, потому, что ты напоминаешь мне ее.

– Папа никогда о ней не говорит. Она была похожа на меня, да? – Сиенна взглянула на портрет Элис, висевший в коридоре.

– Это уже можно паковать? – спросил один из грузчиков, протягивая руку к портрету.

– Оставьте это на месте, пожалуйста, – сказала Хелен, неожиданно вновь появившись рядом.

Ванесса обернулась, чтобы взглянуть на нее. Сейчас Хелен и Элис были бы одного возраста, вдруг подумала она. Если бы все пошло по-иному и Хелен исчезла бы вместо Элис, то сейчас на месте Хелен могла бы стоять Элис.

– А где твоя мама, Хелен? – спросила Ванесса. – Она не будет скучать по тебе, когда мы переедем?

– Простите, что? – Хелен покраснела, удивленная этим вопросом.

– Твоя мама где живет? Я не припомню, чтобы с ней встречалась.

Хелен внимательно посмотрела на Ванессу, затем откашлялась и тихо произнесла:

– Моя мама умерла, когда я была еще ребенком.

Ванесса уставилась в голубые глаза Хелен, чувствуя такую волну ненависти к себе, от которой у нее перехватило дыхание. Мать Хелен мертва, так что по невестке даже некому было бы тосковать. Если бы Хелен умерла вместо Элис, Лео и Хелен никогда бы не встретились. Лео женился бы на какой-нибудь другой женщине. Она нравилась бы Ванессе и проявляла к свекрови больше доброты. Стала бы подругой Элис. И они все были бы счастливы вместе.

– Хорошо, мы уложим портрет позднее, – кивнул грузчик, когда Хелен отошла.

– Элис не любила носить платья, да, бабушка? Совсем как я, – не унималась Сиенна. Ванесса почувствовала, как у нее подкашиваются ноги. Она не желала покидать этот дом, не хотела оставлять Элис.

– Да, – ответила Ванесса, наблюдая, как Хелен поднимается по лестнице в свою спальню и закрывает дверь. – Она была очень забавной и умной и ненавидела платья. Любила ходить просто в комбинезоне. Я наряжала Элис в красивые платья, но они ей не нравились, поэтому я почти всегда сдавалась и разрешала ей носить комбинезоны.

– Ты сильно горевала, когда она умерла? – Сиенна внимательно смотрела на бабушку большими голубыми глазами. У Ванессы закружилась голова; казалось, лицо внучки расплывается, превращаясь в лицо Элис.

– Да, мы все горевали. Я до сих пор скучаю по ней. Но когда ты родилась, то сделала меня очень счастливой. – Помещение внезапно поплыло перед глазами, и Ванесса шагнула к стулу, оставленному в коридоре.

– А где твои шляпка и перчатки, бабуля? – спросила Сиенна, сжимая ее пальцы. – У тебя руки до сих пор холодные с прошлой прогулки.

– У меня в комнате, наверное. Я схожу за ними, а ты начинай пока скатывать большой снежный ком. Я скоро.

Ванесса глубоко вздохнула, пытаясь остановить головокружение, а затем медленно поднялась по лестнице. Шум и суета от мужчин, сновавших туда-сюда, пока прекратились. Проходя мимо спальни Хелен, она услышала за закрытой дверью звук радио и журчание бегущей воды в ванной. А дальше, возле кабинета Лео, увидела, что дверь туда приоткрыта, и почувствовала, что внутри кто-то есть.

– Кто здесь? – спросила она, осторожно толкнув дверь.

Мужчина лет шестидесяти, высокий и одетый в черное, стоял позади стола Лео. Он увидел Ванессу и замер, прищурившись.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Диггер – универсальная землеройная машина с функциями экскаватора, трактора и бульдозера. – Здесь и далее прим. переводчика.

Купить: https://tellnovel.com/ru/gunis_emili/proshloe-mstit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить